

Александр Чернов

ОДИССЕЯ КАПИТАНА БАЛКА
СТАВКА БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МИР

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Борисович Чернов
Одиссея капитана Балка.
Ставка больше, чем мир
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Одиссея
капитана Балка», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70221562

*Одиссея капитана Балка : Ставка больше, чем мир : роман / Александр
Чернов: АСТ; Ленинград; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-161294-8*

Аннотация

Триумф России в войне с Японией меняет как политический расклад в мире, так и внутрисоссийскую ситуацию. В «беге от революции» получена фора, и нужно успеть ею правильно распорядиться. Но реформы, на которые с подачи иновременя решается Николай II, неизбежно сталкиваются с противодействием влиятельных, непримиримых противников.

Мировые игроки стремятся парировать успех нашей державы или использовать его в своих интересах. Англия, Франция и США вступают на путь тесной координации внешнеполитических усилий. Их неизменный курс на «сдерживание Московии»

требует поддержки внутрироссийской «пятой колонны», как леворадикальных экстремистов, так и правоконсервативных противников реформ и лично царя. В свою очередь, для Германии открывается окно возможностей. И кайзер спешит им воспользоваться. Но Петербург не готов без оглядки кинуться в тевтонские объятия. Любовь гео-политического масштаба должна быть с интересом.

Содержание

От автора	8
Пролог	11
Глава 1	36
Глава 2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Александр Чернов

Одиссея капитана Балка.

Ставка больше, чем мир

*На основе оригинального таймлайна «Мир
„Варяга“ – победителя – 2» (МВП-2).*

*Посвящается светлой памяти русских воинов
Арсена Сергеевича Павлова,
Михаила Сергеевича Толстых,
Алексея Борисовича Мозгового,
Павла Леонидовича Дремова,
Александра Александровича Беднова,
Александра Владимировича Захарченко.*

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 255

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Александр Чернов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

От автора

Большие «Варягов»! Хороших и разных!
Г. Б. Дойников

Уважаемые читатели!

Действие первой книги второго цикла романов по Миру МВП-2¹ «Одиссея капитана Балка» начинается в день, когда пушки смолкли. Война с Японией завершена. В МВП-2, альтернативной, параллельной нашему Миру реальности, она закончилась с совершенно иными результатами, чем известны вам из учебников истории. Российская держава, ее флот, а с ними крейсер «Варяг» и наши главные герои вышли из схватки с империей «Божественного Тэнно» не побежденными и униженными, но победителями. Впереди у них новые вызовы и новые испытания, порожденные столь неожиданной для многих, решительной победой русского оружия.

О том, как, благодаря чему, кому и какой ценой она была достигнута, вы можете узнать из семи романов перво-

¹ МВП-2: Мир «Варяга» – победителя, вторая версия. Серия книг по МВП-2 (в нескольких циклах) пишется мной на основе оригинального таймлайна. Главным побудительным мотивом для ее появления и в целом для рождения Мира МВП-2 стали замечательные произведения Глеба Борисовича Дойникова «"Варяг" – победитель» и «По местам стоять! Возвращение "Варяга"», объединенные единой сюжетной линией МВП-1.

го цикла книг по Миру МВП-2, «Одиссея крейсера ”Варяг”», выпущенных издательством АСТ в серии «Военная фантастика»: «Чемульпо – Владивосток», «Флагман владивостокских крейсеров», «Из западни», «Противостояние», «Владивосток – Порт-Артур», «Огненная купель Шантунга», «Порт-Артур – Токио»².

* * *

Да, Япония повержена. Только если кто-то думает, что дальше будет проще и легче, он серьезно ошибается. Локальный успех России лишь в одной из партий Большой игры, Игры за право доминировать в мире, не поменял ни состав ее главных участников, ни их цели. А вот настроение некоторым игрокам подпортил. И серьезно: победа Петербурга резко подняла ставки в этой геополитической мегаигре.

Уместно напомнить, что в реальном мире, к началу 1908 года, фактически утратив внешнеполитический суверенитет, наша страна, повязанная парижскими займами, покорно плелась в фарватере британо-французской политики. Вернее, ее целенаправленно вели. Куда? На бойню конечно же! У «господ-цивилизаторов с рефлексами колонизаторов» успешно получилось сравить между собой двух своих глав-

² Первый роман цикла «Одиссея крейсера ”Варяг”» «Чемульпо – Владивосток» опубликован издательством АСТ в 2017 году, последний, седьмой – «Порт-Артур – Токио» – в январе 2023 года.

ных геополитических конкурентов. Русских и немцев. Причем дважды. Нынешний Рах Americana на три четверти оплачен русской и немецкой кровью.

Понятно, что постфактум его творцам и апологетам выгодно и привычно списывать десятки миллионов смертей в мировых войнах на роль и вину в их жутком, человеконенавистническом шабаше отдельных личностей из Германии и России. Историческая правда для них крайне неудобна. Кукловодам всегда комфортнее работать за черной ширмой: марионетки не должны догадываться, кто дергает их за ниточки...

Но здесь, в Мире МВП-2, оказавшись в самом начале XX века, четверо наших современников знают тайные «родимые пятна» тех, кто скрывается в тени. Вот только станет ли новый мир, благодаря усилиям этой четверки, лучше для нашей Родины? Появятся ли шансы избежать фатальных ошибок и сохранить миллионы бесценных жизней ее сыновей и дочерей, столь прискорбно безвозвратно загубленных в реальной истории?

Я не знаю. Но – надеюсь. И вместе с вами, дорогие читатели, буду искать ответы на эти вопросы в следующих книгах по истории Мира МВП-2. Вторым циклом романов, как хронологически, так и по смыслу повествования, станет «Одиссея капитана Балка», включающая в себя три книги. Первая из них – «Ставка больше, чем мир» – предлагается вашему вниманию.

Пролог

*Чистая правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что грязная ложь.*

В. Высоцкий

Царское Село, 22 февраля 1905 года

– Спасибо! Спасибо, господа. Я всех вас также сердечно поздравляю. Да, мир! Слава богу, все завершилось. С Победой нас всех! Да, Петр Павлович, попрошу вас... Я сейчас пойду немножко подышать. Погуляю по парку. Один. Будьте добры, постарайтесь сделать так, чтобы никто не мелькал вокруг. Я не дальше Фотографического.

– Слушаюсь, ваше величество!

– Спасибо... Александр Иванович, вы что-то хотели мне сказать? Слушаю вас.

– Ваше величество, извините, но вдруг подумал, что если вы решили на променад... Просто, Дик с Касей у нас еще не выгулянные, со всей этой суматохой.

– Ясно. Хорошо, прихватчу их с собой. Поводки длинные в павильоне приготовлены? И не волнуйтесь, рукавицы я взял...

Тугая, февральская метель захватила в плен сразу, прямо с порога овладев всем его существом. И русский царь остано-

вился перед ней, оглушающей, бескрайней, всесильной, затопившей все вокруг. Он стоял один. Словно тот маленький мальчик из прочитанной в детстве сказки, перед входом в ледяные чертоги Снежной Королевы.

Он не любил тепло одеваться даже в лютую стужу. Но в этот раз все-таки уступил настояниям жены. И правильно сделал. Снег забивался всюду, где мог найти хоть малую щелку. Слепил глаза, выбивая слезу. Николай глубже надвинул на лоб любимую кубанку – подарок отца, поправил шарф и поднял воротник пальто.

«Тонко Спиридович мне хвостатых провожатых навесил. Молодец!

Кстати, действительно, Гессе наш совсем неважно выглядит. Хорошо, что Михаил загодя меня предупредил о его нездоровье. Надо будет обязательно Петру Павловичу дать отдохнуть. А Александр Иванович хоть молод еще, но и без него справится вполне. В курс дел и обязанностей дворцового коменданта вошел, так что, пожалуй, завтра решим этот вопрос окончательно. Крым, Италия или на воды, пусть Боткин со товарищи определяют. Хоть на целый год, если необходимо...

И все-таки хорошо, что Алике³ убедила надеть валенки, – подумалось, когда буквально через два-три шага высокие двери царского подъезда растворились в белой, клубящейся пелене за спиной. – Пожалуй, первая такая пурга в этом году.

³ Именно так в кругу семьи Николай ласково называл свою супругу.

Да и не пурга вовсе! Буран, почитай, настоящий. В чистом поле на тройке в этаким снегу дорогу потерять – ерундовое дело... Но, Господи, какая же первобытная красота!»

Он закрыл глаза. И с минуту постоял, подставив разгоряченные переживаниями дня и шампанским щеки освежающему покалыванию снежинок, несущихся в бесконечном волшебном хороводе.

«Господи, иже еси на Небеси, всемогущий и всепрощающий... Слава Тебе! Господи, прости мне грехи мои тяжкие и страхи мои, не отринь, не отступись и впредь. Направь и укрепи разум мой, десницу мою. Спаси-сохрани рабов твоих и матушку нашу Россию...»

Император Всероссийский молился. Это была не разученная с детства молитва. Так он говорил с Богом только несколько раз в жизни. И это были мгновения без времени. Или просто время остановилось? Возможно. Ведь если чопорной, своевольной госпоже Европе пристало скромно подождать, пока русский царь удит рыбу, то уж, когда он молится...

Великая российская вьюга окружила его во всем блеске и великолепии ее снежной вечности. Оглушила многоголосьем хоралом ветров, с вплетенными нотами отдаленных стонов крон вековых лип. Беззащитных, нагих, покорно раскачивающихся под яростными порывами. Приворожила тайным колдовством взгляд к калейдоскопу блесков, мечущихся прозрачными вихрями в текущих, причудливо змеящихся

ся под ногами струях поземки.

Бледные пятна двойных электрических фонарей вдоль пруда и парковых аллей едва проглядывали в стремительно летящей, вьющейся круговерти. Лишь два ближних светила достаточно, чтобы он смог увидеть занесенные гранитные ступени крыльца и девственно чистую белизну внизу, всего лишь за пару вечерних часов совершенно скрывшую под собой расчищенные за день дорожки...

Наконец очнувшись, Николай снял рукавицу, отер льдинки с бровей и усов, провел ладонью по влажному лицу. С облегчением вздохнул, точно сбросив с плеч тяжкую ношу, и шагнул в снег. Шагнул спокойно, уверенно, как в штормящий балтийский прибой на бьёркском пляже во время летней грозы.

Кружащийся возле угла дворца мощный вихрь попробовал на прочность бросившего ему вызов одинокого человека. Налетел. С яростным порывом ветра чуть не сорвал с его головы кубанку, швырнул в лицо пригоршню сверкающих ледяных стрелок. Отступил на мгновение и накинудся вновь, пытаясь остановить, свалить с ног. Но не тут-то было: человек устоял и решительно продолжил путь, по колено зарываясь в свежие, горящиеся, как текущие дюны балтийского взморья, снежные наносы...

«Не зря говорят на Руси: в такую погоду хороший хозяин собак из дому не выгоняет, – подумал Николай с улыбкой, – но это ничего. Во-первых, они у меня не изнеженные, а во-вторых, в парке наверняка потише будет. А мохнатым по свежему снежку поноситься – только в радость.

Здоровые псы вымахали. Дика так и вообще издали с волком матерым перепутать запросто. Хороши немцы! Умные. Надо обязательно заставить разводить у нас эту породу. Не для охоты, конечно: в армии, в полиции пусть послужат».

Среди деревьев буйство пурги ощутимо пошло на спад, и ступать по освещаемой призрачным светом электрических фонарей снежной целине, под покровом которой едва угадывались контуры дорожки к псовому павильону, стало значительно легче. Павильон этот по его указанию выстроили прямо над тепловыми трубами от главной котельной, возведенной в дальнем углу парка и запущенной впервые в октябре прошлого года. «Песий домик» с внутренними помещениями был утеплен, однако собаки сами могли выходить в открытый внутренний вольер. Разыгравшаяся не на шутку непогода их не особо донимала, и они как обычно сидели там, в ожидании хозяина. Николай, любивший их выгуливать, уже за сотню метров до павильона понял, что его ждут...

До Дика с Каськой у него была лишь одна любимая собака. Небольшой, поджарый пес средней лохматости, по имени Иман. Ирландской, охотничьей породы. Когда сеттер, не прожив и половины обычной собачьей жизни, умер от остановки сердца около трех лет назад, Николай больше ни к кому из «придворных» псов не привязывался. Но зато разных заблудших дворняг отстреливал в парке не редко.

С одной стороны, понятно, – охотничий азарт, с другой – суровая профилактическая мера, ибо бешенство или псовая чума были в те времена довольно серьезной опасностью. Укушенному бешеным зверем человеку грозила тяжелая, мучительная болезнь. С почти неотвратимым летальным исходом. Даже вакцина Пастера не была панацеей.

А беспокоиться государю было за кого. И как главу многочисленного семейства его вполне можно было понять. Тем более что и дворцовой охране, и полиции стрелять на территории дворцового комплекса разрешалось только в самых исключительных случаях. Пуля, как говорится, дура. Потому что порой не известно, в кого она соизволит попасть. Кроме того, Николай вообще не любил появления чужих на своей личной территории. И не только четвероногих, крылатых или ползающих.

«Жаль, что нельзя вот так запросто разрешать проблемы с некоторыми из двуногих. Прости мне, Господи, греховные мысли!.. Нет, не нельзя, конечно, – самодержец пока. Не подобает. Так будет вернее. Как человеку чести и долга, верую-

щему, воспитанному и высокородному. Но признайся, пока самодержец, велик соблазн столь просто решать самые сложные проблемы? Как Рюриковичи, Петр Алексеевич или власти предержавшие в том чудовищном будущем, о котором тебе поведал Михаил? И которого ты поклялся не допустить. Как же много ты от *них* уже понабрался за этот год. Самого оторопь берет...

И... прости, милый Иман. Прости, друг, я долго хранил верность твоей памяти. Но эта мохнатая парочка! Ох, как же они быстро залезли в сердце всеми своими восемью лапами? С самого первого дня, когда два лохматых квадратных увальня со смешными, любопытными мордами и непропорционально большими, тяжеловесными ходульками устроили уморительные скачки на новом, скользком для них паркете Александровского дворца, натертом до зеркального блеска.

Как же все смеялись тогда над их неуклюжестью! Во время обеда они и отомстили главным насмешницам – безжалостно сгрызли ножки венского комода в комнате Ольги с Татьяной. А когда барон Фредерикс вознамерился за это их наказать... Ух, что тут было!» – Николай хмыкнул, вспоминая, как две юные фурии с гневными сверкающими глазами напали на несчастного министра двора, который просто любил порядок. И одной из форм поддержания его почитал воздаяние по заслугам.

Первым подал голос Дик. И тут же, более высоко и тонко завизжала Каська, без ума влюбленная в хозяина. «Ну и слух

у них. Сейчас точно всего в снегу изваляют. Силушкой-то господь не обделил. Не щенки уже. И все-таки, какой Миша молодец: настоял именно на этой породе. Я бы сам предпочел сибирскую лайку. Ведь про немецкую овчарку у нас ничего особого не писали. Так, вскользь, что, в Германии культивируют пастушью собаку. Даже не ожидал увидеть такое чудо. Да! А в каком восторге от них девочки...

Но сегодня в дом не впуска. Набегаются, наваляются по снегу, опять все их псиной провоняет. А Алике с маленьким. Не хочу нервировать по пустякам. День и так в полном сумбуре прошел».

Появлением своим в семье государя – именно в семье, а не при дворце – эта парочка мохнатых-зубастых была обязана Банщикову. Еще прошлой весной Ширинкин, Дедюлин, Гессе, Спиридович и Герарди⁴ подготовили новое Положение «Об охране императорских резиденций, мест пребывания ЕИВ и на пути следования». И одним из его пунктов было приобретение для царской семьи охранных собак. Поначалу Николай воспротивился. Он считал, что из-за предполагаемой болезни наследника близкое соседство с животными, которых фактически можно рассматривать как оружие,

⁴ Ширинкин Евгений Никифорович – генерал-лейтенант, начальник Дворцовой полиции. Дедюлин Владимир Александрович – генерал-майор, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. Гессе Петр Павлович – генерал-лейтенант, дворцовый комендант. Спиридович Александр Иванович – подполковник, начальник железнодорожного конвоя ЕИВ. Герарди Борис Андреевич – подполковник Дворцовой полиции.

небезопасно. Мало ли что?

Но тут Михаил Лаврентьевич подсказал, что в Германии окончательно, в нескольких поколениях уже, сформирована порода немецкой овчарки. По отношению к детям эти псы в подавляющем большинстве весьма благодущны и дружелюбны, зато при необходимости всегда смогут защитить и их, и старших членов семьи от внезапной опасности. На том и порешили.

В Вюртемберг немедленно откомандировали начальника канцелярии Министерства Императорского Двора Мосолова. Миссию его телеграммой сопровождал сам кайзер. Там, у Макса фон Штефаница, он и взял двоих трехмесячных ку-тешат с длинными немецкими именами, которые в Царском Селе были немедленно трансформированы дочерьми в Дика и Касю. Почему именно так? А никто государя в известность об этом не ставил. Кстати, Вильгельм же и оплатил их покупку, заявив, что это его подарок дорогому кузену в честь утопления первого японского броненосца...

– Ну, привет! Привет, зверюги лохматые. Ай! Каська, не лижись же! Холодно! Ой! Ах ты ж, лохма зубачая, карман оторвешь! Фу! Дик! Сидеть! Ну-ка, успокаивайтесь оба. Так, давайте-ка сюда свои загривки... Ошейники. Поводки возьми сейчас... Все! Гулять!

Кубарем выкатившись в дверь и едва не сбив при этом самодержца с ног, взвизгивая и звонко гавкая от радости, взрывая сугробы тучами снежной пыли, как два миноносца,

идущие в атаку сквозь штормовые волны, овчарки растворились во вьюжной круговерти.

* * *

Итак, вопреки большинству предсказаний и пророчеств, эта навязанная России война завершилась для нее и ее государя победоносно. Телеграмма с подтверждением текста заключенного братом мирного договора, отбитая сегодня днем в Токио, подвела черту под более чем годичным кровопролитием на Дальнем Востоке. Значит, такой, как рассказывал Банщикова, наша история точно не будет... И словно упала вдруг мрачная, мутная пелена впереди. Раздвинулись горизонты. Можно и нужно идти дальше...

Но тут неожиданно-негаданно подкралось и властно нахлынуло тревожное ощущение звенящей, гулкой пустоты внутри. И еще чувство иррационального, почти граничащего с физической болью, душевного изнеможения, явившееся на смену тяжкому грузу забот и печалей, немилосердно давившему на плечи до сегодняшнего дня.

Наверное, он просто устал. Устал ломать себя «через колена». Выдерживать изо дня в день тот бешеный темп, который они с Михаилом задали себе и всем окружающим.

А еще планы на будущее, которые уже нужно начинать воплощать в жизнь. Но что главное? За что хвататься немедленно, а с чем можно и повременить? Манифест, подготовку кото-

рого пока удавалось держать в тайне даже от Алике? Объяснение с *мама*? Для нее и конституция, и немцы, все это одинаково ужасно. Письма во Владивосток? Телеграммы Вилли и Рузвельту? Дядюшки? Перевод офицеров к Зубатову? Фон Витте и иже с ним? Демобилизация? Договор с Китаем? Переселенческая программа? Новые полки гвардии?

Мысли путаются... Да. Действительно, он, в самом деле, страшно устал...

Николай неторопливо шел, вдыхая свежий, морозный воздух. Снежинки таяли на лице, освежая. Господи, как хорошо! Как же почти аморально хорошо, что можно просто расслабиться. Постараться хоть часок ни о чем не думать...

Но упрямица память, внезапно пробившись сквозь блаженную истому прогулки под музыку пурги, властно вернула его в прошлое. Такое недавнее. И уже такое далекое...

Он хорошо помнил тот прошлогодний мартовский вечер. Даже слишком хорошо. Уже затемно Александр Михайлович вернулся из Дивеева и тотчас, не навестив даже Ксению, поднялся к нему. Измученный долгой дорогой и от того не особо разговорчивый, он протянул ему запечатанный монастырской печатью длинный, узкий конверт.

– Спасибо, Сандро. А на словах?

– Нет, Ники. Она меня в этот раз даже в келью не позвала. Буркнула, чтобы ждал. И с час ее не было. Потом черницы побежали к матушке-игуменье, а вернулись от нее уже с запечатанным письмом. И на прощание посмотрела на меня

так...

И говорит: «Только *ему*. Чтобы сам прочел. И чтоб сам решал!» Повернулась, и дверь за ней хлопнула. Словно уличила в том, будто я могу читать твои письма.

– Не обижайся на Параскеву Ивановну, милый Сандро. Ты же знаешь, что у Божьих людей свои промыслы. Не нам их за то осуждать. Может, о тебе она действительно и не думала в этот раз вовсе. Благодарю за труд, друг мой. Спасибо, что сразу поехал и так быстро оборотился. Как раз к завтрашнему заседанию по флотским делам с Дубасовым и остальными успел. Отдохни пока. А утром переговорим, хорошо?

– Хорошо, Ники. Тогда я к себе. Аликс не покажешь?

– Нет...

Когда дверь кабинета закрылась за спиной великого князя, Николай быстро подошел к абажуру на столе и, так и не присев в кресло, вскрыл конверт. На маленьком листочке дешевой писчей бумаги корявым, крупным почерком старицы было написано:

«Спрашиваешь, кто пришел, что теперь будет? Зачем? Что делать?»

Кто, когда и как – то мне не ведомо. Но уж недалек он от тебя. И будет подле тебя. Путем дальним придет, таким, что обычному мирскому не дается. Будет сыночку помощь от него. И будет Божья Воля тебе через него. Что делать тебе? О том не ведаю. Но вижу: будет выбор тебе дан. Две дороги. Одну ты узнаешь. Какой пойдешь, то сам решай.

Но вторая легче не будет, только короче. САМ РЕШАЙ».

«Только короче... Господи, дай сил, направь, укрепи. Вторая дорога будет короче. И нельзя ошибиться! Нельзя...

Значит, Банщиков? Или кто-то из тех троих? Кто? Не тот ли, кто уже трижды спасал жизнь брату, – русский воин, прошедший горнило страшных будущих войн? Второй путь короче?.. Но что случится раньше? Наша Голгофа и гибель России? Или же очищение, излечение, величие ее? И ни намека, ни подсказки. Значит, сама не знает, иначе написала бы... САМ РЕШАЙ, – государь с тяжким вздохом опустился в кресло, вперив невидящий взгляд в выхваченный абажуром круг света на темно-зеленом сукне с ответом дивеевской старицы посередине. – Сам решай. Но как?! Может так, как твердили все предсказатели: укрепив сердце, готовиться к искупительной жертве, как повелел святой отче Серафим? И ничего не предпринимая ко спасению Державы, нести свой Крест до конца? Или отринув прочь смирение, вступить на путь, к которому призывает Михаил?..

Только, в сущности, есть ли теперь у меня выбор? То, что он ниспослан свыше, а не глаголит через него глас нечистого, блаженная подтвердила. И получается, что за нашей гибелью и смутой последует столетие, еще более страшное и кровавое для России. Ее постыдное бессилие, братоубийство, развал, отпадение окраин, балансирование на краю новой, последней смуты и окончательной гибели. *Это* все вполне реально? Но разве ради этого я был готов смиренно принести

себя и... *всех* моих в жертву?

Ради того, чтобы за грядущее столетие англо-американские купцы и их поделщики жида-банкиры стали хозяевами мира? А русские и немцы превратились в вымирающие народы? Хочу ли я остаться простым статистом, допустить до безумной, двойной русско-германской бойни, ведущей лишь к всемирному возвышению англосаксов? И ими же и их подпевалями сконструированной?

Нет... Тогда, возможно, что предсказания Авеля и послание Серафима Саровского кто-то подменил? Возможно ли такое? Или это тоже были испытания, ниспосланные мне свыше? На стойкость в вере. На преданность Державе и ее народу...

Никто не подскажет. Таков он – мой Крест. РЕШАЙ САМ...»

И император решил. Вернее – решился. А потом был этот год. Год, принесший ему мешки под глазами, боли в сердце, кучу седых волос, десятки бессонных ночей и трудных решений. Когда приходилось, переступая через собственное «Я», делать то, что должно, а не то, что хочется. Год, давший ему долгожданного сына, неожиданного друга и Победу...

* * *

И то сказать: «что хочется»! Каким откровением стало для Банщикова то, что вовсе не ветреные «хотения» дви-

гали государем в те непонятные для человека из будущего века моменты, когда царь проявлял совершенно необъяснимую непоследовательность, меняя мнение по несколько раз на дню. Или хуже того: уже оглашенное им в узком кругу решение. И как можно было предположить, в соответствии с желанием или интересом последнего выходящего от него докладчика. Зачастую в ущерб логике решения, ранее уже самодержцем «окончательно» принятого!

Вадик не собирался таскать эту непонятку в себе. И однажды на прогулке, после приснопамятной безвременной кончины хрустальной пепельницы, спросил венценосца о причинах таких его метаний из края в край, как говорится, прямо в лоб. На что и получил доброжелательный, откровенный, но от этого не менее шокирующий ответ, из которого следовало, что Николай признает лишь двух авторитетов, стоящих в его глазах безусловно выше, чем собственный. Первый, это Господь Бог. Второй – покойный отец, к которому он и сегодня относится с величайшим благоговением, а заветы его чтит, как догматы. Незыблемый авторитет родителя и побуждал царя «твердо стоять на страже основ самодержавия», как «единственной и естественной» базы российского миропорядка. Это было главным в духовном завещании Александра Александровича сыну.

К тому же всегда призывал его учитель и наставник юных лет, а ныне обер-прокурор Синода, Константин Петрович Победоносцев, с которым государь и поныне регулярно «све-

рял часы» по серьезным внутригосударственным вопросам. Да, и не он один...

Авторитет Всевышнего понимался Николаем в том смысле, что наиболее важные и окончательные решения должно принимать исключительно в согласии со своей совестью, являющейся для него естественным проявлением божественной воли. При этом любая дополнительная информация для размышлений и «совета с совестью» могла запросто привести к смене решения на прямо противоположное. Возникающая от этого чехарда мнений могла продолжаться до того момента, пока воля императора не будет утверждена подписью «Николай».

Это решение и становилось окончательным. И, естественно (!) ...верным! Ибо «что написано пером, того не вырубить топором» и «так Господу было угодно». Вдобавок при таком своеобразном процессе принятия решений: до кучи внутренняя неконфликтность Николая и инстинктивное желание сделать хорошо *всем!* Или хотя бы попытаться. Но с этим было сложновато под вопли и топанье ногами «дяди Володи» или «дяди Алеши».

Вадиму было от чего взвыть волком и схватиться за голову. До осознания того, что вся их высоко патриотичная миссия прогрессоров может лопнуть, как мыльный пузырь, в такой, с позволения сказать, занятой «системе координат», оставался буквально шаг. Давлением, логикой, страшилками и историческими примерами эту броню убежденности быст-

ро проломить было почти невозможно. Николай парил в облаках между Богом и грешной русской землей, с не менее грешным народом, на ней живущим. И он искренне считал *все* свои решения одобренными свыше. А если в итоге что-то «получалось не очень», значит, на то была воля Божья...

И вдобавок, для понимания царского «потенциала пугливости»: государь отличался удивительной способностью напрочь игнорировать любую опасность, едва та отдалялась от порога его кабинета. Ведь «в будущем – все во власти Господа». Такой вот нюансик...

Во время подготовки к выходу на Дальний Восток двух черноморских броненосцев наступил час, когда Вадик, в очередной раз столкнувшись с упертостью царя, запаниковал и почти опустил руки. Но ощутив проблему женским чутьем или уяснив ясным, цепким умом, положение спасла сестра Николая. Его дорогая, обожаемая Оленька.

Оставшись после вечерних дебатов с братом с глазу на глаз, она выдала ему: «Ники! Разве ты не понял, что Миша и его друзья ниспосланы нам всем свыше, на помощь стране и народу? Нам! Всем русским людям. А не тебе одному, исключительно? Веришь в это? Значит, ты должен с пониманием и уважением относиться к тому, что тебе через них подсказывает Всевышний. И не о том ли говорил тебе преподобный отец Иоанн? Или ты в его пастырском слове сомневаешься?

Нет? Раз так, то каждое их предложение и просьба долж-

ны рассматриваться тобой как направленные к общему благу и пользе! В данном случае, с черноморцами, это тоже не тактические мелочи. Идет война, брат. Я хоть и женщина, но понимаю, что победа дается только напряжением всех возможных сил. Кроме того, разве на войне бывают мелочи? Нет. Вот и Миша, и те, кто пришел вместе с ним, это очень хорошо понимают. Так что причины их настойчивости вполне объяснимы.

Вспомни, как ты уверял всех нас, что ”макаки не посмеют”? И итогом этой твоей уверенности стала наша вполне очевидная неподготовленность к схватке с ними. А уж не тебе ли было знать все про их коварство и вероломство? Вспомни, каким шоком для нас с тобой стал Мишин рассказ о том, чем бы закончилась и к чему бы в итоге привела эта война, при естественном течении событий?

Спустись. Поскорее спустись на грешную землю, брат! Ибо место государя, вождя, во главе своего народа. Ведь долг суверена – вести его, беречь, а не пострадать за него в будущем. Или пытаться телеграфировать всем волю Всевышнего. Да и можно ли о ней утверждать с такой чистосердечной уверенностью, если в конечном результате нас ждут миллионы смертей? Я не уверена в этом. Но одно знаю точно, я лично всегда готова быть для тебя опорой. И буду ею в самую трудную годину. Выше голову, братишка...

И, кстати, не о сегодняшнем частном вопросе говоря: да, я понимаю, что наш милый папа не согласился бы с чем-то из

того, что Миша предлагает. А кое-что тотчас гневно отверг бы. Но, во-первых, он не знал ничего из того, что сейчас открылось тебе, нам. А во-вторых, вспомни: разве он хоть раз сказал или хоть намекнул, что его решения – не его личные? Или, что ответственность за них лежит не на нем, ибо они есть результат некоего промысла высших сил?

Так что, мой дорогой, возлюбленный братик, или найди в себе силы делать то, что повелевает долг государя великой державы и что подсказывает тебе чудесным образом дарованная свыше помощь, или... ну, я даже не знаю, право. Возможно, что та твоя идея с патриаршеством не такая уж фантастическая?»

* * *

Снег. Мягкий, пушистый, податливый. Но как же устают ноги в тяжелых валенках, тонущие в твоей тягучей, вязко сопротивляющейся движению вперед, глубине. Один шаг сам по себе не труден. Ну, а сотни? А многие тысячи таких шагов?

На ум Николаю невольно пришло такое живое сравнение, когда он, в который уже раз, мысленно окинул взглядом прожитый год. И вновь вынужден был согласиться, что если бы не чудесная, предопределенная свыше встреча с Банщикковым, не удивительная настойчивость и убежденность сестры, то во многом, слишком во многом, к сожалению, он посту-

пал бы иначе, чем делает это сейчас. Не пошли ему Господь поддержку в тяжкую годину в лице Михаила и его друзей, он, скорее всего, действительно привел бы и себя, и свою семью, и всю Россию к тому ужасному семнадцатому году, о котором Банщикова поведал им с сестрой в леденящих душу подробностях.

Сказать, что он сразу, с первой встречи, поверил в слова внезапно свалившегося, аки снег на его голову, лекаря с «Варяга», значит изрядно погрешить против истины. Слава богу, что первое удивление и интерес, подкрепленный затем объясненными или прямо предсказанными Банщиковым фактами, подтолкнули Николая удержать его подле себя.

Памятный взрыв бешенства Михаила, заставивший его рассказать всё, поколебал в голове царя не только устоявшееся мировосприятие, но и понимание собственной роли в системе координат «Бог – государь – народ». Он впервые задумался об истинной ценности людей, искренне готовых служить России и ему, не просчитав сперва собственного с того навару. Причем именно в таком порядке: сначала – служить России, а лишь затем ему – императору и самодержцу.

Когда Помазанник Божий осознал, что для Михаила он лишь обычный человек, пусть волею судеб и самый главный начальник, ему стоило большого труда не дать внешне проявиться неприятному удивлению от такого алогизма. Ибо тогда в собственном сознании Николая место государя находилось не во главе народа, а где-то там, гораздо выше, – между

народом и Богом. В этом Ники был уверен с молодых ногтей. И за десять лет на троне, чем дольше он царствовал, тем самоувереннее чувствовал себя все ближе и ближе к Небу.

К началу войны он был уже не тем робким молодым человеком, после кончины отца страшащимся престола. Ищущим поддержки друзей и невесты, по-человечески пока мало знакомой девушки. Ведь влечение страсти, пылкая влюбленность туманят разум идеалом, но не заменяют прожитых вместе лет, пройденных дорог и выстраданных бед...

Но чем выше взлетишь, тем жестче падать. Когда «хозяин земли Русской» осознал весь ужас мрачной бездны, разверзшейся перед ним благодаря его собственной гордыне, Николая обуяла паника куда большая, чем тогда, в Ливадии, у гроба почившего родителя. Проводя в поисках выхода ночи в молитвах и смятенных думах, он то цеплялся за мысли о новой деспотии, то готовился искупать грехи отречением и монашеством. Но, в конце концов, сумел-таки взять себя в руки и свыкся с неизбежностью упорной, кропотливой работы над ошибками, предложенной ему Вадиком и его друзьями.

Господь наставил его на путь истинный? Но и тугодумом Николай не был. Отринув мистику, разум также стоял за то, что алгоритм выживания России и его семьи, предложенный иновременями, вполне реализуем. Теоретически. Если бы не одна малая малость...

Их логика и знания беспощадно убеждали, что догмат

незыблемости самодержавных порядков сыплется карточным домиком из-за невозможности промышленного подъема при малограмотном народе. Без всеобщего начального, а затем и среднего образования двигать страну вперед уже немыслимо. Только вот правление грамотными людьми по лекалам средневековья, это путь революций и бунтов. А из эволюционного тупика есть лишь один выход: власть, по форме и методам соответствующая состоянию общества...

С огромным трудом смирившись с необходимостью «революции сверху», Николай осознал, что его ждет бешеное сопротивление со стороны российских элит. Дворянства, Двора, Фамилии. В первую очередь, со стороны многочисленных дядюшек. Отдельная песня – Сенат. А есть еще генералитет, Победоносцев, Синод, церковные иерархи... С кем-то он предполагал управиться быстро, но кто-то вполне может встать на путь составления заговоров с покушением на цареубийство. И не в отдаленном восемнадцатом году, а гораздо раньше.

Игра предстояла рискованная. Но при раздаче карты легли вполне пристойно. Ведь кроме знаний о будущем и команды верных толковых помощников, у него было и еще одно серьезное преимущество – фора первого хода.

* * *

Дик внезапно вырвался из снежной пелены откуда-то сбо-

ку. Он мчался на Николая неотвратно, словно торпеда, от которой кораблю не увернуться, и всем на его мостике остается лишь вцепиться в поручни и отрешенно следить за тем, как ее стремительный, пенный след приближается к борту.

«Все. Быть мне в сугробе. Подловил-таки, хитрый волчище, – пронеслось в голове Николая. – Ух! А ты откуда, шельма!» Каська темной молнией взвилась из-за ближайшего белого бархана, сшибла на лету Дика, уводя в сторону от любимого хозяина. И тут же псы с притворным рычанием и кланьем, играя, укатились куда-то в снежную пыль...

«Умница, девочка... А вот японскую мину от "Николая" в Токийском заливе никто не отвел. Сколько жизней потеряно! И это в самый последний день войны. Какое горе...

И какое счастье, что кровавое безумие на Дальнем Востоке наконец-то закончилось. Но сколь многозначительное и грозное предупреждение о том, что Руднев прав в выводах своей записки: в будущем роль подводных миноносцев возрастет не просто многократно, но приведет к революции во всем военно-морском деле...

Только бы наши на обратном пути во Владивосток никого не растеряли. Алексеев доложил, что там у них сейчас штормит изрядно...

И телеграмму в Потсдам нужно будет послать сегодня. Как обещал. Так что пора готовиться к приему гостей. Вильгельм собирался чем-то удивить. Только я, наверное, знаю, чем, – Николай улыбнулся, вспоминая доклад Фредерикса

об очевидном сердечном влечении некой юной особы к отважному Принцу на белом коне, поражающему толпы азиатских варваров... из германского маузера.

Вот она вам, во всей красе, – оборотная сторона нашей с Банщикovým затеи с фото- и кинорепортажами из Маньчжурии и с Квантуна, благодаря которым весь мир смаковал отъезд Михаила на передовую из артурского госпиталя вопреки охам-ахам Стесселя и запретам эскулапов. Похоже, доскачется скоро братец. Ох, доскачется! Но, судя по всему, Мишкин и сам не против.

Худого в этом ничего не вижу. С немцами у нас пока все складывается правильно. Главное, чтобы мама раньше времени не прознала. Вильгельм, слава богу, умудряется про наши общие дела крепко держать язык за зубами. Понимает, сколь высоко подняты ставки. А как он вытаращивал на меня свои гневные глазищи тогда, у Готланда! Когда я ему про эпическую битву с сарматами напомнил, о которой он изволил распинаться в Мариенбурге перед толстобрюхими братьями-меченосцами.

Так, поди, и не дознался до сих пор, кто об этих его пассажирах проболтался. На графа Остен-Сакена думает, естественно. Но наш старик посол мне его не выдал. Зато в том, что тогда, в августе, у Готланда все без сучка и без задоринки прошло, огромная его заслуга. Ну, и Михаила Лаврентьевича, конечно. И Дубасов наш, надо отдать должное бывалому морскому волку, был великолепен...»

И вновь нахлынули воспоминания. Летняя Балтика. Могучие корабли. Трепещущие на тугом ветру флаги и ленточки бескозырок. Дымные шапки, грохот салютов. Вильгельм в нашей адмиральской форме, идущий вдоль строя русских моряков...

Глава 1

За кулисами победы: землетрясение в сферах

Царское Село, Санкт-Петербург. 28 февраля – 2 марта 1905 года

В тот памятный день произошли два события, вызвавшие нешуточный переполох в августейшем семействе. Все началось утром, когда во время умывания внезапно упала в обморок, до крови разбив себе затылок о ручку шкафа, камер-фрейлина царицы княжна Софико Орбелиани. Сонечка, как звали ее в окружении государыни.

Откровенно говоря, совсем неожиданным приключившееся несчастье назвать было нельзя. Молодая женщина тяжело болела. По мнению врачей, в том числе и лейб-медика Гирша, – уже неизлечимо. Об этом при Дворе знали, и при переезде царской семьи в Александровский дворец Царского Села даже предлагали царице оставить ее в Зимнем. Так, например, порекомендовала поступить обер-гофмейстерина Нарышкина, считавшая, что дочерям императора не следует расти в присутствии умирающей.

Однако Александра была непреклонна, и для Сони была выделена «квартирка» из трех комнат на втором этаже свитской половины дворца. Царица ежедневно заходила к ней по-

болтать, обсудить последние новости, а иногда приводила с собой старших дочек. Конечно, понимание безнадежности состояния любимой подружки радостных мгновений в жизни супруги Николая не добавляло. Тем более что болезнь прогрессировала.

О ней стало известно примерно год назад, когда после падения с лошади у девушки неожиданно обнаружилась опухоль позвоночника. Несколько дней она металась в жару, и в итоге консилиумов врачебные светила пришли к выводу об обреченности пациентки. Время неумолимо подтверждало их правоту: состояние любимой фрейлины государыни постепенно ухудшалось.

В жизни много вопиющих несправедливостей. Но подумайте только: ей неполных двадцать восемь, веселушка, «живчик», мечущийся между седлом и теннисным кортом. Неотразимая на бальном паркете, восхитительно-чувственная за фортепьяно. Красавица, по которой воздыхает один из самых блестящих офицеров-кавалергардов лейб-гвардии – барон Густав Карлович Маннергейм. И вот... Такое горе... Беда. Что тут еще скажешь.

Только ее подушка знает, сколько слез уже выплакано над письмами любимого из далекой Маньчжурии. И лишь самые близкие люди до конца осознают весь трагизм ее отчаянной радости и болезненного азарта в играх с дочерьми Александры и Николая в те нечестные уже дни, когда болезнь ослабляет хватку, и Сонечка может сама доковылять на царскую

половину... Очень страшно знать свой приговор. А в те времена рак и был им. Окончательным и неотвратимым. И даже сегодня, несмотря на все успехи медицины за прошедшее столетие, эта безжалостная сила мало кого выпускает из своих когтей.

А пока ей оставалось – только жить. Жить из последних сил, где-то там, в самой глубине истерзанной души, еще уповая на Бога. На чудо. Которого, с точки зрения врачей, не могло произойти. Увы, но и эти последние надежды таяли подобно воску догорающей свечки вместе с молитвами духовника царской семьи и самого Иоанна Кронштадтского...

Когда суэта на свитской половине докатилась до покоев императора, оказалось, что из медиков здесь и сейчас под рукой оказался только доктор с «Варяга». И пришлось Вадиму, прервав «дозволенные речи Шахерезады» и едва не грохнувшись на натертом паркете, нестись в правое крыло дворца. Там его ожидали взволнованная императрица, лежащая в отключке с головой на кровавой подушке бедная девушка, Спиридович с «тревожным чемоданчиком» Гирша, камердинер, несколько человек свитских и прислуга. Последние в качестве мешающей делу спорадическими охами-вздохами массовки.

Ситуация была понятна. Рефлексы Банщикова – безошибочны. «Лед! Быстрее!» – рывкнул Вадим, едва взглянув на состояние пациентки. Нашатырь, вата, бинт и все прочее врачебное хозяйство нашлись в пузатой сумочке лейб-меди-

ка. Лед тотчас притащили из продуктового погреба. И через четверть часа все было позади. Кровь остановлена, два шва наложены, больная приведена в чувство и оказалась даже в силах виновато улыбнуться императрице и пользовавшему ее молодому эскулапу, которого Сонечка иногда видела в обществе государя, а пару раз даже у кровати маленького Алексея.

Поймав удивленный взгляд Вадима, упавший на инвалидное кресло в углу комнаты, Александра Федоровна, оставив с княжной новую фрейлину, юную баронессу Буксгевден, которую пару месяцев назад взяли принимать у Сонечки дела, кивком головы пригласила Банщикова сопровождать ее. Когда дверь в коридор закрылась за ними, царица, порой так бесконечно далекая и холодно-высокомерная, как Снежная Королева, неожиданно крепко взяла Банщикова под локоть и выдохнула прямо в ухо:

– Спасибо, Михаил Лаврентьевич. Спасибо, мой дорогой... Ах, бедная девочка, – во вздохе и взгляде ее внезапно всколыхнулось столько боли и тоски, что Вадим опешил:

– Но, ваше величество, нет нужды так волноваться. Все будет в порядке. Только ей нужно перевязки вовремя делать. А послезавтра снять швы.

– Нет, Михаил Лаврентьевич. Никогда... В порядке – уже никогда...

– Как так? Но почему?

– Сонечка умрет. Ее умереть опухоль. Большая. Тут... – и

Александра Федоровна, до сих пор не слишком хорошо говорившая по-русски, предпочла показать рукой, где именно больное место у несчастной девушки. – Врачи, все... и в Германия. И здесь. И милый наш Гирш... все говорят: пять лет. И конец. Но, наверное, меньше, чем пять лет... Боже, я ее так люблю. Такая хорошая! И так плохо. Так плохо...

Казалось, что этот взгляд прожжет Вадима до каблучков.

– Государыня, вы позволите, если и я посмотрю ее? – неожиданно для самого себя предложил Вадим.

– Я спрошу. Если она не возразит. Конечно, посмотрите. Я прошу Господа о милости каждый день. Но все говорят одно: много – пять лет. И вы же, вы... военный доктор. Рана, кровь, скальпель. Это ваше дело. Но и Гирш, и Боткин сказали, что делать резекцию уже нет никакой возможности. Конечно, то, что вы нашли такой удивительный способ помощи нашему Алешеньке – это чудо Господне. И я верю вам, и во всем уповаю на ваше искусство. Но здесь – другое. Ее уже поздно резать. Для нее это – сразу смерть.

– И все-таки я должен убедиться...

Вадика пригласили к княжне Орбелиани после полудня. Девушка, хоть и смущалась, но стойко и безропотно позволила себя осмотреть. Увиденное удручало. Явная опухоль, здоровенная, уже захватившая два позвонка в нижнем отделе позвоночника. Несомненно, прогрессирующая. Бедняжке было трудно лежать на спине, а без костылей она не могла даже выйти из комнаты.

Но... было что-то в облике врага такое, что заставило Банщикова-врача внутренне напрячься. Его чутье, шестое чувство подсказывали: что-то тут не так. Пальцы не верили! Его пальцы прирожденного диагноста упорно не соглашались, что под ними – онкология. Почему? Если бы знать? Хотя... да! Температура. Эта дрянь явно теплее, чем тело вокруг.

Тогда что дальше? А дальше доктор Вадик просто впал в ступор. Когда узнал, что все началось с жара. Что скачки небольшой температуры у нее иногда случаются и что кровь на исследование у Сонечки никто не брал.

Через час все было ясно. Хвала микроскопу и доктору Коху. Сомнений никаких – у девушки костный туберкулез. Очаговая форма. С одной стороны – если быстро получится завершить со стрептомицином, не только спасем, не только ходить и на лошади скакать будет, но и детей рожать. С другой стороны – скрытый бациллоноситель в царской семье! Час от часу! Только Гиршу пока не говорить, иначе удар хватит старика лейб-медика: тут чахотка – пока та же смерть, только еще и заразная. А он недосмотрел...

Значит, остается одно: переговорив с Николаем, срочно забирать бедняжку к нам, в Институт. Палату соорудим. Сначала – на витамины. И как наши «плесеньщики» будут готовы к клиническим испытаниям, начнем вытаскивать пассию Густава Карловича с того света. Так что, господин «может быть, будущий фельдмаршал», любимую женщину я тебе спасу. Но вот в Карелии «линию Маннергейма» фиг ты

у нас построишь...

* * *

Беды и проблемы обычно поодиночке не ходят. Вадик в очередной раз убедился в этом в тот же вечер. В который уже раз. Едва схлынуло напряжение по поводу состояния здоровья княжны Орбелиани, и Банщикова отпросился подышать свежим воздухом вместе с Ольгой Александровной, как случилось второе ЧП. Только в этот раз совершенно иного масштаба...

Сумерки уже вступили в свои права, когда к дворцу резво подкатил и остановился перед царским подъездом парноконный возок, из которого тотчас выскочили две дамы в шикарных собольих шубках. Не отвечая на приветствия слуг и дворцовых гренадеров, они, суматошно поскальзываясь, взбежали вверх по лестнице, едва не столкнувшись в дверях. Со стороны это их внезапное явление выглядело несколько комичным. Однако смутное предчувствие неприятностей не позволило Вадику улыбнуться. Не просто так «галки» прилетели. Ольга, досмотрев сценку на крыльце, с интересом протянула:

– Уж и не ждали мы никого, на ночь глядя. А смотри-ка: Стана с Милицей приехали. И несутся как будто на пожар.

– Угу. Слава богу, сегодня одни, без Николаши. Оба Николаевича еще вчера должны были выехать в Гельсинг-форс

с генерал-адмиралом и его моряками. Я, вообще-то, думал, что эти дамы прокатятся с ними, зря, что ли, государь им свой поезд выделил?

– Как видишь, Вадюш, не поехали. И я не удивляюсь. Им нет никакого дела до всех этих фортификаций, батарей, доков и прочих мужских военных затей.

– Да вижу я. Ясное дело, что столы крутить да спиритов заезжих приваживать – им интереснее. Чтобы потом государыне да сестре твоей головы этим оккультным бредом морочить. Не иначе какого-нибудь очередного медиума-целителя возле богадельни или юродивого пророка на паперти подцепили. Но, скорее всего, свежие салонные сплетни прибыли от Мирской или Богданович. Малыша только опять зря потревожат...

– Не будь злым букой. Они узнали про беду с бедняжкой Сонечкой, скорее всего.

Историческая справка

Черногорский князь Никола I Негош, из политических соображений, в 1882 году отправил учиться в Петербург, в Смольный институт, двух дочерей. После замужества они остались при российском Дворе. Милица Николаевна вышла замуж за великого князя Петра Николаевича, а Анастасия Николаевна – за герцога Лейхтенбергского. В нашей истории, после развода Стана в 1907 году стала

супругой великого князя Николая Николаевича, брата мужа Милицы. Их роман к этому времени продолжался семь лет.

Сестры проявляли особый интерес не только к православию, но ко всему магическому и оккультному: к тому времени салонный Петербург был охвачен модой на мистику, проводились спиритические сеансы с «потусторонним миром». К несчастью, сын Милицы и Петра Николаевича, Роман, страдал очень тяжелой, врожденной формой эпилепсии. Не в силах смотреть на мучения сына, Петр Николаевич закрывал глаза на «чуждачества» супруги, которыми та тщилась избавить мальчика от припадков, после которых он неделями не помнил ни себя, ни того, что вокруг происходило.

Милица прилежно посещала все строгие церковные службы, ездила со Станой по святым местам, в лавры и обители, часами выстаивая молебны и литургии. И даже выпросила у Иоанна Кронштадтского, с которым была знакома, благословенную им икону, образ Пресвятой Богородицы. Она не расставалась с ней, утверждая, что образ сей чудотворен и по силе не имеет равных. Однако по мере того, как истовость в православии не отвращала болезнь сына, мистика, оккультизм и гипнотизеры-врачеватели занимали все более важное место в мировосприятии сестер.

В это время императрица Александра Федоровна, у которой рождались одни дочери, была близка к панике и готова искать помощи у кого угодно. Воспользовавшись интересом царицы к потусторонним

силам и ее изолированностью при Дворе, черногорки становятся подругами Александры. Несмотря на то, что сестры строго соблюдали посты и чтили все церковные уставы, они и стали главными поставщиками колдунов и чародеев ко Двору. Стоя перед царицей на коленях, они поклялись помочь ей родить сына. И она доверилась им...

Первый доставленный ко Двору французский целитель Папюс помочь царице не смог. Затем, по совету черногорок, из Киева привезли слепых монахинь, но и их усердие оказалось безрезультатным. Не оправдал надежд императрицы и мсье Филипп Вашо. А когда долгожданный наследник все-таки появился на свет, но пораженный гемофилией, очередным целителем, привезенным черногорками к царице, в нашей истории стал Г. Е. Распутин... Но здесь Вадим опередил возможное явление «старца» на восемь месяцев.

– Может, и так. Только мне все равно не спокойно. Манифест завтра утром начнут печатать. Хоть Дурново с Зубатовым и уверяют в один голос, что в столицах у них все под контролем, а кому не надо – те не узнают, но кошки скребут. Михень им обоим фору дать может.

– Дорогой, ну, не накручивай себя. И не поминай Марию Павловну всуе, пожалуйста. Хочешь и мне настроение испортить? Ники спровадил из города всех самых голосистых, дядюшки никак не помешают. Бал у Алексея Александровича послезавтра вечером. Он и Николаевичи из Финлян-

дии второго числа утром вернутся, а раньше – вряд ли. Ма-тушка с Ксенией у Сергея Александровича и Эллы сейчас в Москве, осматривают два своих новых госпиталя и приют. Сергей Михайлович в Перми с англичанами Захарова. А наш главный ловец бабочек, первый болтун и самый прожженный интриган Яхт-клуба⁵ уже месяц, как скачет с сачком по Мадагаскару. Владимир Александрович с адъютантами два дня как в Грузии. А с теткой Михень, если что, брат и разговаривать не станет. И уж тем более на тему политики. Вообще-то, ее дело тюки-чемоданы паковать. И надеяться, что муженек выберет Варшаву, а не Тифлис. Пусть теперь там воду мутит и сплетни распускает. Так что, как ты сам сказал вчера вечером, у нас «все прихвачено».

– Так-то оно так, умница моя. Теоретически. Но все рав-

⁵ Великий князь Николай Михайлович Романов. Получил военное образование, но в юности серьезно увлёкся энтомологией. Редактировал девятитомное издание «Мемуары о чешуекрылых». В 18 лет он был избран членом Французского энтомологического общества. Его уникальная коллекция насекомых до сих пор сохраняется в Петербургском зоологическом музее. Второе научное призвание Николая Михайловича – история. Его монументальная биография Александра I, написанная после долгих лет собирания материалов и проверки фактов и дат, до сих пор остается непревзойденной в русской исторической литературе. В жизни он отличался безудержной склонностью к интриганству, распространению светских сплетен и «жареных фактов». Способом влияния на царя Бимбо (семейное прозвище Н. М.) избрал нраво-учительные письма с элементами доносительства на родственников. Одержимый непомерной гордыней, считал для себя возможным отзываться о государе: «наш дурачок Ники». Вел активную переписку с Л. Н. Толстым, причем кроме «толстовства» был увлечен идеей установления в России конституционной монархии. Идеалом же общественного устройства великий князь почитал Французскую республику. Бисексуал.

но, давай-ка далеко в парк не пойдем. Мало ли что...

Историческая справка

В августе 1874 года Мария Александровна Элизабета Элеонора, дочь герцога Мекленбург-Шверинского, вышла замуж за великого князя Владимира Александровича, третьего сына Александра II. Свадьбу сыграли через три года после знакомства: лютеранка, Мария не хотела принимать православие. В итоге император дозволил-таки сыну жениться на иноверке. Но лишь после длительных уговоров многочисленной родни. При замужестве она стала великой княгиней Марией Павловной.

Двор Владимира Александровича и Марии Павловны был очень влиятелен и активно формировал общественное мнение высшего света. Кроме того, Мария Павловна широко привлекала на свои приемы банкиров, торговцев и промышленников, из-за своего неаристократического происхождения не имевших возможности попадать к Большому Двору. С появлением в Петербурге молодой императрицы – гессенской принцессы – она попыталась было «взять над нею шефство в делах Двора и постижения новой Родины». Или попросту – подчинить себе. Но коса нашла на камень. Александра по воспитанию и мировосприятию была куда больше чопорной англичанкой, нежели – ухватисто-энергичной немкой...

Когда попытки «дружбы» со стороны Марии Павловны были царицей холодно отвергнуты, та, будучи женщиной властной и вспыльчивой, дала волю своему язвительному языку, комментируя все, что делала племянница. И ее Двор следовал установленному ею примеру. Наиболее обидные для императрицы слухи исходили из непосредственного окружения Марии Павловны. Не удивительно, что на плохо скрываемую вражду со стороны великой княгини Александра ответила взаимностью. Отсюда обидное прозвище, данное супруге Владимира Александровича в ближнем кругу царицы – «тетка Михень».

Ситуация усугублялась тем, что по мере рождения в семье царя девочек, смерти одного брата Николая и ясно видимого нежелания претендовать на корону со стороны второго – Михаила, появлялся шанс перехода трона к ветви Владимира Александровича. Сказать, что такой поворот событий имевшую троих сыновей Марию Павловну весьма заинтересовал, значит ничего не сказать.

* * *

Предчувствие не обмануло. Не прошло и четверти часа, как появление на крыльце местного заместителя мобильного телефона – фигуры скорохода с фонарем – убедило их, что нужно срочно возвращаться.

Поднявшись по ступенькам, Банщиков и Ольга нос к носу столкнулись у дверей с возбужденными и раскрасневшимися черногорками. Увидев великую княгиню, сестры после формального книксена на несколько секунд увлекли ее прочь от подъезда, что-то возбужденно тараторя. Но много времени торопившаяся к брату Ольга им не дала, быстро обняв обеих и дав этим понять, что разговор окончен. Лишь последняя звонкая реплика Станы долетела до уха Банщикова: «И представляешь! Он нас прогнал! Выгнал!!!»

– Что случилось, Оленька? – шепнул Вадим на ухо любимой.

– Эти две мерзавки привезли Аликс «конституционный» Манифест. Кто же подослал их, идиоток?! Она прочла. Рухнула в обморок. Тут же примчался Ники, и началось...

– Бли-и-н... Эпик фэйл. Не просчитали! Ладно, потом разберемся, откуда ноги растут, душа моя. А сейчас бежим к ним скорее. Чуяло мое сердце, денек задается веселый.

В Сиреновом будуаре императрицы они застали немую сцену. У окна, повернувшись спиной к сидящей на диване супруге, стоял Николай, отрешенно глядя сквозь стекло на подкрашенные лучами угасающего заката облака, едва различимые на темном, иссиня-фиолетовом фоне неба. Последняя зимняя ночь вступала в свои права. Придав всей сцене налет вагнеровского драматизма, желтоватый свет электричества неровно подрагивал, подчеркивая мертвенную бледность неподвижной, будто каменное изваяние, Александры.

На ковре, позади императора, белели мелкие смятые клочки бумаги.

«Похоже, что это Манифест. Был...» – промелькнуло в голове у Вадика.

Первой тягостное молчание нарушила Александра Федоровна. Голос ее, тихий, чуть с хрипотцой, казалось, был лишен всяческих эмоций:

– Михаил Лаврентьевич... Государь только что пояснил мне, что ваша поразительная медицинская гениальность имеет за собою промысел Небесный. И обстоятельства вашего появления здесь поистине чудесны... Я не вправе и на секунду усомниться в правдивости слов Николая Александровича, моего царственного супруга. Но, согласитесь, следовало бы мне, как матери наследника-цесаревича, знать о причинах, побудивших вас столь долго оставлять меня в неведении, как о самих этих обстоятельствах, так и об известных вам, грядущих для нас и державы нашей ужасах. И желанием предупредить таковые объясняется нынешнее отвращение государя от трехвековой российской самодержавности, осененной благодатью Божией... Прошу вас объяснить. Только не надо спешить, пожалуйста. Я должна все понять совершенно точно. Если что-то не будет ясно, я буду вас тотчас переспрашивать.

Терять Вадика было нечего, ситуация определилась: Николай, не выдержав истерики императрицы, не стал таиться, вилять. И просто откровенно рассказал ей всё. Ясное де-

ло, для Александры Федоровны это стало шоком не меньшим, чем первоначальный эффект от прочтения привезенного черногорками Манифеста.

Конечно, она знала, что ее Ники мог что-то сделать под чужим влиянием, мог даже насамодурничать по мелочи. Однако ни сам текст этого, явно тщательно продуманного и подготовленного втайне от нее документа, ни краткое изложение супругом первопричин его появления для простых объяснений места не оставляли.

Однако удивительное дело! Со сверхъестественной природой талантов Банщикова и, по-видимому, стоящим за этим Божьим промыслом она смирилась практически сразу. В понимании императрицы сам факт рождения сына стал плодом ее многолетнего поиска помощи у высших сил. И ее истовую веру в заступничество свыше чудесное явление ко Двору избавителя малыша Алексея от мук «королевской болезни» только укрепило.

Однако то, что ее, царицу, целый год продержали обо всем этом в полном неведении, вызвало жгучую обиду у государыни. Очень хотелось понять: почему же Ники молчал? За что ей, преданной и любящей жене, самоотверженной матери его детей выказано такое унижительное недоверие? Ведь даже сестра Николая, Ольга, как оказалось, была в курсе! Пожалуй, супружескую измену она восприняла бы менее болезненно...

Секрет того, почему муж старался охранить ее от откоро-

вений Вадима про будущее, окончательно прояснился, когда несчастная женщина во всей полноте картины осознала наконец мрачную глубину той, кишевшей кровожадными монстрами пропасти, на краю которой балансировала глыба императорской России. Глыба, на самой вершине которой она дерзко отважилась свить уютное семейное гнездышко.

Когда долгий рассказ Банщикова перешел от низкого предательства их английского «кузена Жоржи» к описанию кровавой развязки в подвале Ипатьевского дома, Александра не выдержала. И сотрясаемая рыданиями, безвольно ткнулась в плечо Николая, тихонько подсевшего к ней, дабы поддержать в последние, самые страшные минуты Вадиковой исповеди о событиях, пока не свершившихся, но еще способных явиться, чтобы обрушить их мир.

– Миша! Довольно... это выше всяких сил, – чуть слышно пролепетала она, отчаянно прижимаясь к мужу. – Ники! О, прости меня... прости, Христа ради. Я не смела кричать и говорить тебе все те мерзкие гадости. Ты же просто щадил меня, глупую. Но как?! Как ты мог носить все это в душе столько времени? Господи, Пресвятая Дева, как же я виновата...

– Дорогая, верь мне: все будет хорошо. Все уже теперь будет не так. Я знаю, в чем ошибался и кому напрасно доверял. Мы понимаем, в чем выход... Прошу тебя, поверь, счастье мое, когда я впервые осознал весь этот кошмар, то сам не представлял, как этому противостоять. Можно ли справиться-

ся с ним? И я просто не имел права взвалить на тебя это все. Тем более что твоя главная забота была связана с нашим Алешенькой. Прости мне это вынужденное молчание.

– Я верю тебе. Я верю в тебя! И я верю – Господь нас не покинет. Ты все сможешь! И я молю Господа, чтобы он укрепил твои душу, руку и сердце... Ты ведь не позволишь *им* совершить этого с нами?

– Сегодня я знаю, что нужно делать. И знаю, на кого могу всецело положиться.

– Ники... Я клянусь тебе, что всем своим существом без остатка принадлежу тебе и люблю тебя! Я люблю твою страну! Она ныне и моя, всецело в моем сердце и в душе. И если кто-то в Англии и постарался использовать меня в своих целях против России, то с моей стороны это было лишь доверчивостью и непониманием, но никак не...

– Дорогая, не волнуйся на этот счет. Твое сердце и помыслы – чисты. И они выше любых подозрений. Мне ли этого не знать...

– Михаил Лаврентьевич, вы и ваши друзья, вы ведь не отступите? Не бросите нас всех перед этим... перед... – Александра просто не могла подобрать слов, чтобы хоть как-то назвать подлинный ужас того, что обычно описывается коротким, пугающим русским словом «бунт» или вычурно-оптимистичным, европейским – «революция».

Потрясенный от событий этого вечера хватило императрице с избытком: она слегла в постель на три дня. По прось-

бе Николая, Банщиков и Ольга Александровна первые сутки недомогания государыни провели подле нее неотлучно.

Это было время трудных вопросов. И не простых ответов...

* * *

Парадный фасад Алексеевского дворца, выходящий на набережную Мойки, сиял всеми окнами своих двух этажей, мансард и башенок. Их световые каскады гармонично дополнялись праздничной иллюминацией в парке, а на колоннах парадных ворот кованой ограды – предмета особой гордости архитектора Месмахера – по особому случаю зажгли цветные фонари, подобные ютовым огням парусных линкоров петровской эпохи.

Причина светового шоу для светского Петербурга была вполне очевидна: владелец роскошного объекта столичной недвижимости генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович давал бал в честь победы русского флота в войне с Японией. *Ego* флота. От главноуправления которым он был отставлен в критический момент боевых действий на Дальнем Востоке. Отстранен почти на полгода! Несправедливо, беспричинно...

И в своей обиде он был не одинок. Безвинной жертвой несчастного мгновения не раз публично называла Алексея Александровича вдовствующая императрица. Сочувствова-

ли ему в подавляющем большинстве и приглашенные гости. За исключением, пожалуй, лишь самого творца вопиющей несправедливости – императора Николая Александровича, великой княгини Ольги Александровны, свежеепеченного морского министра Дубасова с его карманной «морской фрондой» да нескольких персон из ближайшего окружения Николая, не пригласить которых для генерал-адмирала было бы моветоном. Тем паче что и сам он страстно желал их неперменного присутствия! Восстановление справедливости требует пусть не формально-явного, но публичного и понятного всем покаяния Дубасова и его лизоблюдов.

«Если Федор хочет остаться в министерском кресле, а его протеже – при погонах и должностях... на какое-то время, то за свои геройства по части ”попинать раненого льва” эта компашка сегодня сторицей заплатит. Как и за травлю Авелана, Старка и бедняги Верховского. Будут каяться и сапоги целовать! А дрянного щенка-лейтенанта, что орал в Мариинке с галерки: ”Это не прима, это эскадра! На ней камней на два броненосца!”, я уж непременно найду, как показательно отблагодарить. За каждую слезку моей маленькой шалуньи. Молокосос паршивый! – Алексей Александрович в сердцах сплюнул. – Без меня распустили языки флотские. Ну, погодите! Выдам я вам по первое число. И ренегатам Нилову с Кузьмичом напомню кое-что. *Qui cesse d’être ami ne l’a jamais été*⁶...

⁶ Кто перестал быть твоим другом, тот никогда им и не был (*фр.*).

И еще этот. Молодой да ранний... Господин фаворит Банщиков. Этот фрукт должен раз и навсегда зарубить себе на носу, что здесь кабинетной системы, как у немцев, я не допущу никогда! Тем более с таким смазливый выскочкой-сопляком за конторкой. Отныне роль военно-морского секретаря при особе императора – регистрация моих и министерских бумаг на Высочайшее имя. И мы еще посмотрим, как он будет с этим справляться.

Жаль, конечно, что на сегодняшнем балу не будет старшего брата и его супруги: Владимир Александрович в Тифлисе, а прямо оттуда, как он телеграфировал, выезжает в Варшаву. Что уж именно они с Николаем не поделили, он не говорит. Но, надеюсь, все это понемногу образуется. Понял же, в конце концов, племянник, что я был прав тогда. Будем ждать, что Владимир со временем также будет возвращен. Пока же, к сожалению, Мария Федоровна подтвердила: ее отпрыск и слышать об этом не желает. Сашкино упрямство проклюнулось в нем. Но папаша был поотходчивее, пожалуй.

Да, Ники крепко забрал власть. Нынче он еще и победитель. Матушка у сына и так не особо в авторитете, судя по финским делам. Что для нас очень печально. Давно такой расстроенной ее не видел. Похоже, время наших родственных наставлений окончательно прошло. Мальчик вырос. Теперь – только советы. Дружеские. *Autres temps, autres mœurs*⁷.

⁷ Иные времена, иные нравы (*фр.*).

Наивно с моей стороны списывать ту нашу ссору на "Полярной", после вывода через проливы Чухнина, на его возбужденные нервы. Похоже, Ники специально про встречу с Вильгельмом мне рассказал, чтобы спровоцировать на грубость, а затем удалить от дел на эти критически важные месяцы. Или я ошибаюсь? Откуда в нем такое коварство? Но как отвлечь его от явных симпатий к германцу? Если бы он только представлял себе, какое впечатление эти его заигрывания с тевтонами производят на обоих берегах Ла-Манша! Что только не выговаривали мне в Париже. А наш дурачок Ники улыбается себе в усы и, знай, гнет одно и то же. Дескать, все яйца в одну корзину не кладут.

Ладно – англичане. И, бог с ними, пусть даже американцы. Это я еще могу понять. Но немцы! Они уже добились у него неслыханных преференций для их капиталов. И, судя по составу будущих гостей, Вильгельм не собирается останавливаться на достигнутом. Я поражаюсь французскому долготерпению! Конечно, если быть откровенным, пруссаки сейчас многое научились делать лучше галлов. Особенно железки. Только вот незадача: *La belle sage ne pourrit pas*. Красивая клетка соловья не накормит...

Про дружбу царева наперсника Банщикова с фон Гинце мне только ленивые уши не прожужжали. Но этот молодой человек, конечно, лишь виньетка чего-то более серьезного. Я не сомневаюсь, что Ники через Ольгу Александровну и ее любимчика повел с кузеном Вилли свою игру. Что делать:

если лев отнял добычу, волкам достаются объедки. Самое умное, не лезть пока в его дела с тевтонами. Не удивлюсь, если моя временная опала была задумана любимым племянником специально. Пока они с Вилли обстригивали дельце. И тут, как говорится, ловить нечего. Но разве бы я его не понял? Сказал бы откровенно! Я бы не стал мешать. Главное – определить границы интереса. Не задумал же он отобрать *всё*? Нет, Ники слишком тактичен и разумен для столь бестактной пошлости...

Или я сам себя утешаю? Как тогда понимать мутные, непонятные телодвижения, что начинаются вокруг каспийских нефтепромыслов? Разве Николай не боится остаться без кредитов Ротшильда? И только ли в своих интересах зачастил ко Двору мистер Крамп, которого кое-кто здесь уже прозвал за глаза «Дальневосточным Бёрдом». Говорят, и слухи эти не беспочвенны, что за спиной пронырливого филладельфийца маячит сам Рокфеллер. И еще это изгнание Витте...

Я предупреждал парижан, что без помощи филигранной логики Сергея Юльевича Ламсдорф – вне игры. И даже моего политического веса мало, чтобы перебить немецкую карту. Заход со стороны вдовствующей императрицы сегодня – не слишком силен. Что и подтвердилось. Николаша? Этот явно трусит. Чем-то его Ники пугнул. Владимир? Тот и во все в форменной опале. Сергей же после памятного летнего скандала вокруг земцев и обещания «представительства» до

сих пор строит из себя оскорбленного. Глупец! За свои интересы нужно бороться! Иначе немцы и американцы отхватят всё. С пальцами. А есть еще и Захаров, обхаживающий генерала-инспектора. С Сандро он давно на короткой ноге.

Может статься, что сегодня – наш последний шанс. Мы должны попытаться отыграть партию. Тем более что идти на слом союза с Парижем – форменное политическое безумие. Это наш главный козырь. Мсье Бомпар⁸ должен дать в руку. Пусть вспылчив лотарингец и не столь приятен для Ники, как его предшественник граф Монтебелло, но я надеюсь, что ставка француза – сыграет...»

Возможно, рассудив на холодную голову, генерал-адмирал решил бы повременить с пышным праздничным мероприятием. Например, до возвращения в столицу адмиралов и офицеров ТОФа – подлинных героев баталий, отгремевших в дальних морях. Но, во-первых, это была реальная возможность для разговора по душам с Ники до неизбежного теперь прибытия в Питер кайзера. Причем Николай Николаевич и Мария Федоровна также примут в этом разговоре участие. Французское влияние при Дворе явно дало трещину. И со столь вопиющей и пугающей несправедливостью пропарижская часть камарильи мириться не желала. А кому, спрашивается, понравится резкое сокращение его «кормовой ба-

⁸ Луи-Морис Бомпар – посланник Французской республики в Российской империи.

зы»? Рука, того и гляди, сама потянется к табакерке...⁹

А, во-вторых, приветственные адреса и телеграммы от Алексева, Гриппенберга, Макарова, Безобразова, Руднева и великих князей Михаила Александровича, Александра Михайловича и Кирилла Владимировича разбередили его чувственную душу. Отказать себе в удовольствии поскорее вкушать публичный елей хора льстивых дифирамбов в свой адрес, еще и в присутствии главного гонителя-обидчика, Алексея Александрович просто не мог.

Как, увы, не мог и Николай отказаться от приглашения своего дяди...

* * *

Генерал-адмирал прибыл домой за пару часов до им же самим назначенного времени начала бала. В ожидании хозяина все, к сему действию причастные, от церемониймейстера до привратника, успели известись, пребывая в смущении из-за его отсутствия. Увы, поезд из Гельсинг-форса опоздал на четыре часа: охрана заподозрила финских радикалов в закладке под пути адской машинки, которую в итоге так и не нашли. Как и авторов подозрительных следов возле железнодорожного полотна.

⁹ «Апоплексический удар» табакеркой в висок Павла Петровича, как способ решения проблемы императора, неудобного для агентов иностранного влияния в высшем свете.

Угодив, что называется, с корабля на бал, первым делом Алексей Александрович приказал выяснить, вернулась ли из Первопрестольной вдовствующая императрица. Ведь ей, по их договоренности, предстояло стать хозяйкой и Первой дамой *его* бала. Однако оказалось, что страхи напрасны. Мария Федоровна не только сама уже была в столице, но и уговорила приехать с ней великого князя Сергея Александровича с супругой.

Брат, хоть и пытался сперва отговориться, манкируя нежеланием встречаться с Ники, перед натиском «крошки Минни», способной в одну секунду превратиться в «Гневную», не устоял. Это стало приятной новостью, так как поддержка Сергея в неизбежном большом разговоре с Николаем была очень кстати. Авторитет его в глазах племянника был высок, вдобавок их жены – сестры.

Следующая новость тоже порадовала: Ники приедет на бал без супруги, так как Александра Федоровна приболела. Но, поскольку государь обещал дяде разделить с ним его триумф, сам он прибудет обязательно. И значит, увернуться от серьезного разговора у него никак не получится. Единственно, нужно предупредить церемониймейстера, что император попросил учесть изменение в росписи пар к полонезу: в первой надлежит встать Алексею Александровичу с Марией Федоровной, а Николай Александрович с его сестрой Ольгой встанут вторыми.

Узнав о такой диспозиции, генерал-адмирал удовлетво-

ренно хмыкнул: неожиданно, но, черт побери, весьма приятно! *Bien danse à qui la fortune chante!*¹⁰ Подарок в самом деле был царский. И что это – как не признание заслуг первого моряка России? И своей перед ним вины? Вечер обещал быть незабываемым...

А время летело. Не как птица даже, как снаряд из скорострельной пушки. Едва успев принять ванну и слегка перекусить – «снять пробу» закускам от Кюба, что будут поданы этим вечером, облачившись в подобающий моменту мундир со всеми регалиями, Алексей Александрович поспешил к дверям: доложили, что приехала хозяйка бала.

То, что государыня вдовствующая императрица явно пребывает не в духе, он понял сразу, как только вышел навстречу августейшей гостье из малого, собственного, подъезда дворца. Минни покидала карету или возок не спеша, по царственному величественно и сдержанно, но неизменно любезно, раскланиваясь с встречающими. Сегодня все было не так. Резкие движения, плохо сдерживаемая агрессивная грация, колкие быстрые взгляды, тонко сжатые губы, едва заметный кивок в ответ на поклон. Ему явилась Гневная...

«Что-то опять стряслось, не иначе», – тоскливо екнуло в сердце у великого князя. Хмурый, сосредоточенный вид прибывшего вместе с Марией Федоровной Сергея и растерянный взгляд Эллы только укрепил в недобрых ожиданиях.

– Алексей, дорогой мой, веди же нас скорее! Нам нужно

¹⁰ Хорошо танцует тот, кому удача поет! (*фр.*)

обсудить один деликатный момент, не теряя ни минуты. И – только мы вчетвером.

– Прошу вас, ваше величество. Сергей, Эллочка, пойдете! Я безумно счастлив вас всех видеть, мои дорогие. Но... что-то случилось? Неприятности?

– Не без этого, дорогой братец, не без этого, – генерал-губернатор Первопрестольной на мгновение сделал откровенно брезгливую мину. – Все сам сейчас увидишь...

Поднявшись по застеленным ковровой дорожкой мраморным ступеням широкой лестницы, вдоль стоящих на ее площадках скульптур, кадок с роскошными пальмами и замерших, подобно изваяниям с винтовками «на караул», матросов гвардейского экипажа, хозяин и его гости прошли знаменную, библиотеку и, миновав коротенький коридорчик, оказались в рабочем кабинете генерал-адмирала...

Отделанные светлыми, тщательно подогнанными друг к другу дубовыми панелями стены. Переплетение массивных балок-бимсов под потолком. Камин из инкерманского камня, выдержанный в формах кормовой проекции корпуса парусного линкора эпохи Грейга и Рюйтера. Массивный стол, кресла, шкафы с картами и справочниками. Все здесь напоминало адмиральский салон красавца трехдечника, флагмана флота ушедшей эпохи великих морских сражений. Лишь пропорции помещения были немного иными. Но гостям было явно не до созерцания гармонии интерьеров от гениального Месмахера.

– Алексей, а догадываешься ли ты, что завтра нас всех ожидает? По глазам вижу – не знаешь... Сергей, покажи же ему, скорее! – возбужденная Мария Федоровна не собиралась тратить время на банальность обычных любезностей.

Сергей Александрович молча протянул генерал-адмиралу несколько отпечатанных на «Ундервуде» листков писчей бумаги. Алексей Александрович углубился в чтение. И пока он читал, никто из присутствующих не проронил ни слова. Наконец он закончил...

– Великолепно... Уже завтра? – хрипло выдавил из себя хозяин дворца.

– Завтра, – мрачно ответил брат. – Ну, что скажешь?

– Тиражи газетчики уже печатают?

– Уже. Полагаю, что к вечеру все будет готово.

– Да-с... Немецкий или финский вопросы на этом фоне – безделица. А что в Москве?

– И в Москве печатают. Мы это получили только сегодня. Уже здесь. Если бы хоть на день-другой пораньше... Я попытался все остановить, по телеграфу. Ты не поверишь, его «черные» пригрозили Трепову арестом. Они там пасут все типографии.

– Значит, и здесь. Значит, *это* произойдет... – Алексей Александрович тихо вздохнул и чуть заметно ссутулился. – Похоже, наш тихоня Ники все-таки всех переиграл...

– Алексей! Не смей так говорить. Что за пошлые и унылые глупости! Неужели ты испугался? – Мария Федоровна

была великолепно в своем праведном гневе. – Нам повезло, что мы тут все вместе. Очень повезло! Мы знаем, что он задумал. И он скоро будет здесь. И вместе с Аликс. Уверена, наша умница Элла найдет, что сказать родной сестре. Нет, мои дорогие! Он не выйдет отсюда, пока не обещает нам прекратить всю эту гадость! Он не посмеет перечить священной памяти его отца и вашего брата. Ибо это – безумие!

– Александра Федоровна не приедет. Сказалась больной.

– Да?! Может быть, это и к лучшему, Алексей? Значит, поговорим без обиняков. И спрятаться ему будет не за кого. Но имейте в виду, мои дорогие, это наш единственный шанс. Если не убедим его отказаться от этого безумства, с завтрашнего дня мы все будем жить в другой стране. И нам останется пенять на самих себя, что не видели того, что Ники вытворял у нас под носом. В Европе нас засмеют! – сверкнула очами Гневная.

– Надеюсь, все понимают, что нужно ему сказать? – так и не сняв с лица каменно-отрешенной маски, осведомился Сергей Александрович. – Алексей, твой заход – внешняя политика. Ты должен убедить Ники, что внутренняя нестабильность, которая за этим его Манифестом неизбежно последует, может запросто разрушить наши военные успехи. Мир увидит, что российский император не может удержать в подчинении собственный народ. Нам тут же навяжут новый Берлинский конгресс. И итоги его будут унизительны. Как считаешь, на кого мы можем рассчитывать из посланников?

– Думаю, ты удивишься. Но – на француза, – усмехнулся генерал-адмирал. – Я с ним говорил на тему зависимости нашего внутреннего покоя и немецкой торговой экспансии в Россию. Он сознает, что любой выборный элемент предпочтет качественную германскую дешевку. Про весь прочий плебс – и гадать не стоит. А за их капиталом придет и политес. Так что мсье Бомпар будет ратовать за самодержавие. Деваться нашему республиканцу-санкюлоту некуда. *Noblesse oblige*¹¹. Он здесь лучше многих понимает, что только сила сторонников дружбы с Парижем в Семье является залогом нашего договора.

* * *

Николай с сестрами и свитой чуть-чуть припозднился. В самом деле: разве государь может опоздать на званый бал у любимого дяди на целый час? Нет, конечно! Но государь может слегка задержаться. Всего лишь на часок. И никаких обид: неотложные семейные хлопоты, важные государственные заботы...

Но вот он прибыл. Он, конечно, понимает, что любимой матушке и дорогим дядьям что-то важное нужно с ним обсудить. И срочно. Но с этим позже. Сейчас, скорее к гостям!

А там, на парадной половине, гул и смутное томление. Да-

¹¹ Положение обязывает (*фр.*).

мы, наметанным взглядом оценив наряды и драгоценности соперниц, вдосталь нашептались в Китайской гостиной. Кавалеры во Фламандской воздали должное орденским лентам и эполетам друг друга, а у многих они – весьма свежие. Попутно обсудив последние новости, они уже едва скрывают нетерпение улыбками и сдержанным гоготом над дежурными анекдотами.

Бесплотными, цветными тенями, отражаясь в натертых до блеска паркетах, плавно скользят вышколенные слуги, обнося жelaющих конфетами, мороженым, Голицынским шампанским, легкими кавказскими и крымскими винами из знаменитых великокняжеских погребов. Сияют каскадами хрусталя многоярусные люстры и настенные светильники. И, как в Мариинке в вечер большой премьеры, сливаются с аурой предвкушения чуда шорох вееров, приглушенные смешки, восклицания, поклоны, книксены, реверансы...

Высшее светское общество столицы Российской империи с нетерпением ожидает начала первого послевоенного бала Санкт-Петербурга – бала Победы. Ожидает своего державного Вождя, Государя – Победителя!

Да, было время, когда Николай казался многим нерешительным и излишне мягким. Особенно тем, кто хорошо помнил правление его отца. Но внешность и манеры бывают обманчивыми. Особенно, если их обладатель может при необходимости опереться на стальную стену бронированных корабельных бортов и заслониться от любого недруга лесом

граненых штыков православного воинства... Слава Победителю!

Обер-гофмаршал Бенкендорф привычно пунктуален и точен: первая запряжная пара экипажа царя еще не миновала парадных ворот, как гости приглашены в Английский зал. Оркестранты негромко подстраивают инструменты, дирижер в последний раз придирчиво просматривает ноты, нервно постукивая по краю пульта длинной черной палочкой. А вдоль стен плавно, словно медленными водоворотами, кружит и ширится поток фраков, мундиров, дамских бальных платьев, ярко блистающих подобранными соответственно вкусам их обладательниц, драгоценными гарнитурами.

В облачении кавалеров преобладает строгий черный: большинство военных здесь – моряки. В цветах туалетов дам вне конкуренции белый и голубой. Сияние сапфиров, бриллиантов, загадочный блеск жемчужных нитей только подчеркивают благородную изысканность двухцветной палитры Андреевского флага.

У высоких арочных дверей собираются, разбившись по парам, те, кому предстоит в первом туре дефиле к полонезу за хозяевами бала – императрицей Марией Федоровной и Алексеем Александровичем. За ними, во второй паре, выступят сам государь император и Ольга Александровна, чей супруг, князь Петр Ольденбургский, отправленный братом в Иркутск, якобы «на помощь» к Безобразову, пока еще не

возвратился в столицу.

Третью пару, по неожиданному желанию царя, составят его сестра Ксения и морской министр, генерал-адъютант свиты его величества, адмирал Дубасов. Шестидесятилетний Федор Васильевич будет сегодня дебютировать в новой для себя светской роли: накануне он был возведен императором в графское достоинство. И, похоже, дело тут не столько в признании его бесспорных заслуг в этой войне. Тем самым государь дал понять всем, и дяде Алексею, генерал-адмиралу, в первую голову, что Дубасов пользуется его особым благоволением. Так что всяким пересудам о скорой отставке министра – грош цена.

Сие означает и то, что недавнюю речь министра на Адмиралтейств-коллегии можно рассматривать как будущую программу действий. А сказал он крепко: «Сонное царство ценовой рутины на якорях в мирное время, кабинетная канцелярщина до сибаритства для флота есть яд. Медленный, но смертельный. Лишь в море мы – дома. Прав Степан Осипович: экономить на учебе, стрельбах, ремонтах сломанного и износившегося в нашей практической работе, на снарядах и минах для этих стрельб, на угле – преступление.

Числом килей, пушек и тысячами тонн брони можно застрашать лишь слабого и нерешительного врага. А смелому и дерзкому мы обязаны противопоставить свое умение и военный навык во всех областях морского дела: точнее стрелять, лучше маневрировать, толковее командовать. Иметь лучшие

снаряды и мины. Лучшее, чем у него, береговое обеспечение. Мощности судоремонта должны быть заведомо выше видимых насущных потребностей флота. И тогда можно смело строить два линкора вместо трех, три крейсера вместо пяти и достигнуть меньшим числом кораблей нужного нам результата. Как в мирное время, так и в военное. Так должна пониматься разумная экономия, господа!»

Хорошего настроения хозяину бала все это не добавляло...

Следом за Ксенией и Дубасовым должны будут выступить на паркет великий князь Сергей Александрович, «князь-кесарь Московский» – как его полушутя, полусерьезно именовали в сферах, с его блистательной супругой, первой красавицей Двора, великой княгиней Елизаветой Федоровной. А за ними, после очередных трех великокняжеских пар – ее подруга и главная соперница по части женского очарования, утонченности вкуса и «калибра» драгоценностей, несравненная Зинаида, княгиня Юсупова с ее достойным супругом, бравым полковником кавалергардом, графом Сумароковым-Эльстоном...

И вот – наконец! Три тяжелых удара жезлом. В зале – тишина. Медленно начинают отворяться массивные, резные двери. И в ту же секунду высокий, зычный голос главного церемониймейстера торжественно возвещает:

– Его величество! Государь император!

Обычно случается, что главная интрига бального вечера в Высочайшем присутствии вскрывается лишь после мазурки, когда приглашенные узнают, кто же именно удостоен чести отужинать в кругу государя, а кому, и таковых подавляющее большинство, остается надеяться на «следующий раз», которого вполне может и не быть. Однако этот памятный бал в Алексеевском дворце был щедр на неожиданности.

Первая приключилась уже в дебютном туре вальса, когда великая княгиня Ольга Александровна решительно вышла в круг в паре с Михаилом Банщиковым. Не где-то там, ближе к концу танцевальной программы, что было бы вполне манерно с точки зрения и понятий высшего света. А во втором танце вечера, который был фактически чуть ли не протокольным мероприятием! Естественно, все ожидали увидеть в партнерах любимой сестренки государя или хозяина бала – Алексея Александровича, или кого-нибудь из нескольких присутствующих великих князей. Ну, или хоть германского посланника, в конце концов. Но чтобы – вот так! Да еще и под одобряющую улыбку Николая.

Вторая интрига воспоследовала тотчас: комкая весь заведенный регламент, явно по желанию вдовствующей императрицы, Алексей Александрович, его брат Сергей и она сама удалились в малую гостиную вместе с государем, а отту-

да в кабинет генерал-адмирала. Очередной круг вальса повел Константин Константинович с супругой. Скорее всего, вознегодовав, Мария Федоровна и Алексей Александрович с братом вознамерились высказать Николаю за дерзость Ольги, которая явно про-изошла с его попущения.

И только от очень внимательных глаз, а таковыми, безусловно, обладали посланники Британской и Германской империй, не укрылось, что буквально через минуту-другую обер-гофмаршал неожиданно пригласил пройти за ним их французского коллегу...

Третья интрига вечера стала сенсацией дня. Завершив свои кулуарные семейные объяснения, Николай вновь вышел в бальный зал. Бледный и сосредоточенный, он прошел один-единственный круг танца с Александрой Сергеевной, супругой адмирала Дубасова, о чем-то накоротке переговорил с самим морским министром и его офицерами, после чего неожиданно покинул бал, перед этим явно прохладно простившись с матерью и дядей. Монаршее неблаговоление генерал-адмиралу в час его триумфа! Это нечто...

От уже упомянутых ранее очень внимательных глаз не укрылся маленький нюанс: императора на выходе из зала встретили и проводили к его экипажу возникшие невесть откуда «люди в черном». Офицеры Секретного приказа. Вот как? И что тогда это было? Просто семейная разборка, или?.. Сэр Чарльз Гардинг не долго терзался этим каверзным вопросом. Переданная ему записка оказалась краткой и лако-

ничной: «Срочно приезжайте в нашу миссию. Вопрос чрезвычайный! Искренне Ваш, Бомпар».

Последней интригой бала, ставшей прямым следствием первой и второй главной его сенсаций, стал скандал. Раздосадованный отъездом государя и афронтом *его* вечеру со стороны Ольги Александровны, Алексей Александрович в кругу близких ему адмиралов и офицеров, после очередного опорожденного бокала, выдал, что «наверняка Вильгельм II платит Банщикову больше, чем этот выскочка получает от царя, продажи новомодных пилюль и всех своих биржевых афер, вместе взятых». Кто-то шепнул об этом фон Гинце. Дипломатичный Пауль – Вадику. А Вадик, изрядно взвинченный всеми происшествиями сегодняшнего вечера и ожиданиями завтрашних событий, поведал Ольге.

Вообще-то, рассказал, чтобы посмеяться с ней вместе. Только вот или в женской психологии он что-то не учел, или так и не познал за год особенностей реакции на наезды титулованных особ. Итогом ее искрометного объяснения с дядей стал демонстративный отъезд великой княгини с бала. В сопровождении Банщикова, естественно...

Глава 2

Утро нового мира

Владивосток. 3 марта 1905 года

Над будущей столицей Тихоокеанского края, а именно так через пару десятков лет будет называться административно-территориальная единица Российской империи, куда кроме Дальнего Востока войдут еще Маньчжурия с Кореей, вставало солнце. Огромный золотой диск светила еще не полностью поднялся из-за вершин заснеженных сопок, но уже наполнил своим победным сиянием бархатную синеву бездонного мартовского неба и город, раскинувшийся под ним. Лишь в складках лощин да меж сугробов у западных стен домов на сбегаящих к заливу улицах настороженно за-таилась стылая предутренняя мгла.

С ночи подморозило. И с труб домов, мастерских, а также множества кораблей и судов, заполнивших Золотой Рог, к небесам тянулись струи белого, сизого, бурого дыма. В самом заливе яблоку было негде упасть. Такого столпотворения на своем рейде здесь не видели никогда. Ведь кроме шести черноморских броненосцев, нескольких заслуженных балтийских «пенсионеров» да отряда контр-адмирала Веницкого, ведущего сейчас во Владивосток из Вэйхайвэя интернированные там после Шантунгской битвы корабли,

тут собрался едва ли не весь остальной российский военный флот.

Возвышаясь над темно-синей водой, покрытой белыми оспинами ледяного крошева, выстроившись в три линии, гордо стояли, приковывая к себе восторженные взгляды с берега, вернувшиеся с войны корабли-победители. Их выкрашенные в темно-серый, боевой цвет борта кое-где пестрели оспинами свежей краски на местах временно заделанных деревом пробоин. У ватерлиний проглядывала ржавчина и темно-красные полосы там, где льдины содрали все до сурика. На расчехленных хоботах многих орудий темнел пороховой нагар. Время наведения всеобщего, тотального маршета пока еще не пришло. Как самим кораблям, так и их людям нужен был отдых...

Лениво покачивались на бочках и дополнительно заведенных с юта якорях могучие эскадренные броненосцы с флагманскими «Потемкиным» и «Цесаревичем». По приказу Алексеева их поставили прямо напротив Адмиральской пристани. Сразу за ними дымили четырехтрубные громады уже родных для всех владивостокцев «больших фрегатов»: по поводу прибытия из Мукдена фельдмаршала Гриппенберга, «Громобоя» с «Россией» отвели от заводской стенки, где им латали шантунгские раны. Командующий Маньчжурской армии вознамерился посетить самые героические корабли флота, и встречать высокого гостя они должны были в общем строю.

Броненосные крейсера стояли в компании с привлекавшими всеобщее любопытство трофеями – бывшими чилийскими «О’Хиггинсом» и «Эсмеральдой». Японские имена, под которыми они проходили всего несколько месяцев, к ним как-то «не пристали». Позади них и «экзотов», во второй линии, расположились изящные бронепалубники Грамматчикова во главе с «Варягом», «Аскольдом» и «Богатырем». В кильватере у «летучих» – трехтрубные «Память Азова» и «Светлана» под великокняжескими штандартами, а за ними – герои Осаки и Сасебо: ББОшки и «Егорьевские рысаки». В третьей, самой дальней линии, затмевая всех и вся своими размерами, многопалубной стеной возвышались огромные корпуса крейсеров-лайнеров Гвардейского конвоя. А у набережной, перед всем этим великолепием парада больших кораблей, аккуратно разобравшись по отделениям, теснились, встав кормой к берегу, многочисленные миноносцы и истребители.

Лишь броненосец «Орел» и минный заградитель «Амур» встречали торжества «вне строя». Первый был введен в сухой док через сутки после возвращения флота – от сотрясений при стрельбе под Урагой открылась течь в носу от наскоро заделанной минной пробоины. Похожая беда была и у минзага. Шторм или некачественный ремонт в Артуре дыры от случайного камня привели к тому, что он «привез» во Владик почти двести тонн воды в отсеках двойного дна. Узнав об этом, Руднев приказал немедленно приступить к

починке «Амура» в плавучем доке...

И не было сегодня во Владивостоке ни одного русского человека, чья душа не пела бы и не ликовала, чей взгляд не туманили бы слезы радости при взгляде на свою бухту. Ибо там реально, зримо и осязаемо стояла та русская сила, та мощь, которая только что доказала всему миру, что свое гордое имя их город носит по праву.

Третий флот мира... Флот, победоносно прошедший горнило суровой войны. Флот, чьи моряки испытали в ее сражениях и заслуженную радость побед, и горечь утрат своих боевых товарищей, друзей. Флот, вышедший победителем в величайшей морской баталии новейшей истории, с легкой руки германского кайзера, неофициально именуемой теперь «Тихоокеанским Трафальгаром», в Шантунгской битве.

Флот, сполна выполнивший и свою военную, и политическую миссии. Последним, яростным усилием по понуждению к миру неприятеля под Токио доказавший, что Россия вполне способна осуществлять «проекцию силы» там, тогда и так, как того потребуют ее геополитические интересы. Флот, убедительно продемонстрировавший как друзьям, так и недругам, что унижительный «крымский» синдром неполноценности преодолен Россией окончательно и бесповоротно.

Станет ли он со временем вторым или даже первым в мировой табели о рангах? Или удовольствуется более скромным местом? Наступят ли тот день и час, когда в некото-

рых европейских столицах задумаются над тем, что называть бульвары и площади именем Севастополя в честь победы над Россией полвека назад было... несколько опрометчиво?

Теперь это будет зависеть не только и не столько от геополитических раскладов или сиюминутных выгод власть предержащих. Вспомните извечное: «Зачем России, державе сухопутной, океанский флот?» Это будет зависеть и от тех, кто принял огненную купель на его мостиках, палубах, в башнях и казематах, в машинных отделениях и кочегарках.

* * *

Двое суток после возвращения флота во Владик пролетели в полном сумасшествии и радости круговороте застолий, балов, приемов, молебнов, попоек, азартных и телесных утех. И, возможно, многие из возвратившихся от Токио героев по неистребимой русской традиции, не удержавшись, вошли бы в неуправляемое пике алкогольного, игорного или развратного угара. Ибо слаб до этих дел русский человек, когда повод очевиден, а вожжи ослаблены.

Но как раз с ослаблением вожжей и было «не очень». Еще в день возвращения флота Алексеев на утро 3 марта назначил общий сбор флотского и армейского офицерского состава, свободного от вахт и караулов. А поскольку ни одно из зданий Владивостока всех поименованных особ вместить не могло, место общего офицерского собрания назначили возле

арки, напротив Адмиральской пристани. На том самом месте, где Руднев встречал экипаж «Корейца». Форма одежды – парадная. Неявка, невзирая на причины, десять суток ареста. По-доброму так...

За три часа до полудня подле высокого помоста, обитого тремя полосами ситца в цвета русского имперского триколора, толпилось больше тысячи человек. Трибуна была украшена флагами. Большим Андреевским посредине и двумя поменьше – комфлота и великокняжеским – по краям. Цвет офицерского корпуса флота и армии сдержанно гудел, перетаптываясь на морозце в своих перетянутых ремнями черных и светло-серых шинелях, кавалерийских накидках и кавказских бурках на плечах. С папахами, фуражками и даже треуголками на головах.

Общество, в подавляющем большинстве страдающее жестокой болью в тех частях тел, на которые фуражки, треуголки и папахи были надеты, блистало орденами, погонями, галунами, аксельбантами, темляками и прочей атрибутикой офицерской красоты. Благоухая одеколоном, поскрипывая портупьями и сапогами, звякая шпорами и густо выдыхая перегаром, оно вполголоса обсуждало мировые и крепостные новости. А еще попутно сплетничало, травило байки, анекдоты, над чем-то посмеивалось или поругивалось. И при этом почти единодушно, со стенаниями, проклинали в голос судьбу-злодейку да втихаря костерило бессердечное начальство. И попенять ему было за что.

Во-первых, Руднев, вопреки затаенным желаниям большинства своих подчиненных, фантастически быстро, оставив лишь небольшой временный гарнизон в Йокосуке, целью которого была охрана «Нахимова» во время ремонта, организовал возвращение от Токио флота и гвардии. Кто-то хотел гульнуть там, кто-то надеялся на приезд во Владик друзей, родственников, любимых или просто знакомых дам полусвета из столицы, пока их герои пакуют японские сувениры, но... Облом-с вышел и с тем, и с этим. Вдобавок ведомство князя Хилкова, по требованию того же Руднева, наотрез отказывалось увеличить число курьерских пар до Владивостока со дня получения в Питере известия о перемирии.

Во-вторых, драконовские порядки, по приказу Безобразова заведенные во Владике военной жандармерией по образу и подобию маньчжурских, совсем не способствовали гульбе и вседозволенности. Обидная и, конечно, несправедливая доля свежих постояльцев крепостной гауптвахты была одной из главных тем офицерских толковищ «за жизнь». Тем более актуальных в свете уже известной всем суровости наместника. Все, кто туда влетел, сидели свое без исключений и поблажек...

Однако с появлением в поле зрения почтенного собрания этого самого начальства и, конкретно, ехавших в первых каретах Алексеева, Макарова, Гриппенберга, Руднева, Щербачева, Безобразова, Сухомлинова и великих князей Михаила Александровича и Александра Михайловича все разноголо-

сое подспудное бурчание мгновенным шквалом переросло в стихийное, дружное «ура!» и бурную овацию.

Все понимали, что последняя точка в этой войне будет поставлена именно сейчас и именно здесь. И вряд ли когда-нибудь еще им, победителям, суждено будет собраться вот так вот, всем вместе. Вместе празднуя и поминая тех, кто не дожил до этого радостного дня. Вместе верша историю.

* * *

Справедливости ради, нужно отметить, что историю в этот мартовский день творили не только здесь. В типографиях мирно спавших в тысячах километров отсюда Петербурга, Москвы, Киева, Нижнего Новгорода, Варшавы, Казани и прочих губернских и уездных городов уже сохли, ожидая утра и читателей, свежие номера центральных и губернских газет, в заголовках передовиц которых тридцать шестым кегелем было жирно набрано: «Высочайший Манифест».

Но здесь, во Владике, о предстоящем стране эпохальном событии, открывающем новую главу российской истории, знали только семь человек: великий князь Михаил Александрович, которому накануне вечером была вручена личная секретная телеграмма государя, шифровальщик штаба гвардейского корпуса, начальствующий над этим самым корпусом генерал Щербачев, оба «свеженьких» российских генерал-адмирала – наместник Алексеев и командующий ТОФа

Макаров, а также адмирал Руднев и капитан гвардии Василий Балк. Последний – на правах друга великого князя.

Николай повелел брату лично провозгласить «непреклонную волю императора» по введению в России основ парламентаризма и объявить о грядущем даровании подданным Конституции общему офицерскому собранию. Дабы господа офицеры сразу уяснили себе положения Манифеста и могли скоординировать действия с целью недопущения каких-либо волнений на кораблях, в частях и подразделениях. Ибо свобода слова, собраний и совести не подразумевают вседозволенность и анархию. Но, к сожалению, обязательно найдутся и те индивиды, кто этой аксиомы не сможет или не захочет понять...

Впечатление от такой новости у них было различным. Балк и Руднев, по понятным причинам, восприняли судьбоносное известие из Питера с одобрением и энтузиазмом. Тем более что хотя массовое ликование и общественный подъем в стране отмечались всеми газетами, а здесь, во Владике, были видны им невооруженным глазом, ни Василий, ни Петрович так до конца и не верили, что при сложившихся вследствие военной победы благоприятных обстоятельствах удастся быстро пропереть Николая на созыв Думы. А вот: поди ж ты! Царь сказал – царь сделал.

В то же время впечатления от сногшибательного известия у остальных пятерых были не столь однозначны. За исключением Михаила, пожалуй. Первая реакция великого

князя напоминала памятную Василию с детства сценку из мультика про Карлсона, когда Малыш задается вопросом: «А что про это скажет мама?» И, развивая мысль, приходит к следующему: «А что теперь скажет папа?..»

Правда, вместо папы в данном случае был упомянут дядя Сергей, но... «поскольку, все это ерунда, дело-то житейское» и «кричать им сильно больше, чем после Земского съезда, смысла особого уже нет», младший брат царя, бывший наследник цесаревич и новоиспеченный полковник синих кирасир в целом тоже разделял оптимизм обоих гостей из будущего по поводу грядущего дарования Конституции и введения демократических институтов. Как верно подмечено: с кем поведешься, от того и наберешься. Закончив обсуждение текста Манифеста и как бы подытоживая их разговор, Мишкин предложил «слегка вспрыснуть» это дело, весело брякнув: «Ай да Вадик, ай да сукин сын!»

Непосредственный начальник Михаила, генерал Щербачев, отнесся к неординарной новости на удивление по-философски. Очевидно, будучи служакой до мозга костей, он не имел обыкновения обсуждать решения вышестоящего начальства. Немного подумав, он сухо подметил пару-тройку связанных с нею моментов: «В гвардии, не здесь, конечно, а в Петербурге, вряд ли этому порадуются. Но, поскольку ответственных министерств не будет, то и проблем с деньгами на армейскую реформу, даст бог, тоже не предвидится больших. На мой взгляд, гвардейским офицерам карьеру это по-

литическое нововведение порушить не должно. Что ж, может, как раз вовремя. Чтобы на будущее глупости, вроде гапоновской, в зародыше пресечь».

Макаров же, напротив, хоть и не возражал против принятого императором решения принципиально, но явно опасался негативного влияния парламентских процедур, даже совещательных, как на финансирование флота, так и на будущую кораблестроительную программу. Над ней он работал в госпитале. Будучи человеком глубоко эрудированным, он понимал, что в системе управления страной в целом и флотом в частности появляется некая новая, пока ему не известная величина. А как влияли парламентские деятели на морское строительство во Франции, к примеру, он знал хорошо. Не зря последнее десятилетие XIX века в истории флота Второй республики величали «военно-морской бестолковщиной».

Петрович, правда, указал ему на противоположный пример – на работу Рейхстага по принятию германского Закона о флоте, где усилиями кайзера, Бюлова и Тирпица он был облечен в такую форму, что препятствовать резкому удорожанию линкоров при замене броненосцев дредноутами парламентарии фактически не смогут.

Но настроения Степану Осиповичу не подняло даже это: «Эх, мой дорогой, там – Германия, немцы. А то – наши! Балаболки да выскочки разномастных понавыбирают, вот уж и надумают они нам в этой Думе. А то, что нет пока ответственного министерства – так, лиха беда начало! Выклянчат.

Помянете мои слова: взвоем мы еще от их склок с совеща-
тельным голосом! Но, не дай нам бог, чтоб кабинетная систе-
ма или сменяемое по выборам правительство как в Парижах.
Вот тут и запляшем мы танцы святого Витта. Все давешние
делишки господина Витте как бы нам цветочками не пока-
зались! Я-то думал, что в Питере попробуем порядок наве-
сти, а тут... Какое там! Задумали Дубасова на меня менять.
А зачем? Нет уж. Пусть он дальше с этим всем разбирается
в министерстве. А я, если государь позволит, с палубы в ка-
бинет не уйду».

Последним узнал про Манифест царя наместник Алек-
сеев. И, как рассказал позже Василию Михаил, после про-
чтения его текста на новоявленного генерал-адмирала бы-
ло страшно смотреть. Евгений Иванович был ошарашен и
взбешен одновременно. Но, как выяснилось, не потому, что
из-за своего истового монархизма органически не переносил
демократических общественных институтов, в принципе не
желая видеть и слышать ни о чем ином, кроме как о неогра-
ниченной монархии – самодержавии.

Все оказалось много проще. На нем лежала ответствен-
ность за огромный край. Где пока ни один градоначальник,
ни один полицмейстер, ни один начальник гарнизона или
войсковой атаман не были проинструктированы о том, как
должно воспринимать царское решение и как себя вести,
применительно к таким обстоятельствам.

Василий резоны наместника понимал. Получилось, что

необходимость сохранения секретности из-за опасения беспорядков в столице перекладывала после опубликования Манифеста всю ответственность и заботу о недопущении эксцессов и разгула стихийной вольницы в городах и весях на местные власти. Совершенно не готовые к такой новой вводной...

Мнение же обо всем этом штабс-капитана Красовского, старшего шифровальщика штаба Гвардейского экспедиционного корпуса, самым первым во Владивостоке узнавшего подробности царского Манифеста, история для нас, увы, не сохранила.

* * *

Кстати, итоги вышеупомянутого Михаилом Земского съезда действительно можно было смело считать прологом к этому Манифесту. Говоря образно, если сегодня воля императора возвещала о наступлении утра новой жизни России, то съезд этот был его рассветной зарей. И сделать здесь небольшое отступление от темы для краткого описания его предыстории и решений вполне уместно.

Строго говоря, это было первое крупное внутривластное деяние самодержца, предпринятое им благодаря осмыслению той убийственной информации о будущем, что безжалостно вылил на его несчастную голову доктор Вадик. Ничего не поделаешь, врачам «часто приходится делать людям

больно, чтобы потом им жилось хорошо». Увы, но более образно и конкретно, чем крылатая фраза Андрея Мягкова из «Иронии судьбы», суть призвания хирурга определяло бессмертное: «Резать! Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита!» От Риммы Марковой...

Обдумав услышанное, Николай твердо решил как можно скорее запустить маховик земельной реформы, способной повысить уровень сельскохозяйственного производства и параллельно решить ряд сопутствующих проблем: обеспечить подпор людского потока к заводским проходным, переселенческим поездкам и пароходам, одновременно повышая уровень жизни остающихся на селе.

Но за столь масштабным процессом нужен был не-усыпный контроль и действенное управление им. Достичь этого наличными силами уездных и губернских администраций было попросту невозможно. Даже при условии обеспечения должного финансирования. Управленческий штат их был не велик, а профессиональный уровень для столь сложной, многоуровневой задачи – в массе своей явно слаб.

Не сразу, но Николай согласился с тем, что без решительного привлечения к этой работе органов местного самоуправления – земств – не обойтись. Более того, они могли бы стать важнейшим элементом всей системы проведения реформы, ее главным тягловым механизмом, оставляя местным администрациям функции учета, контроля, отслеживания финансовой дисциплины и обратной связи.

При этом, как следствие, неизбежно вставал вопрос о привлечении к этому самому самоуправлению лиц крестьянского сословия, дабы избежать пресловутого «без меня меня женили». Для этого самым логичным решением было создание третьего – низового – уровня в структуре земских организаций. Всесословного волостного земского собрания, имеющего право делегировать своих председателей и выборных гласных в состав уездных и губернских земских органов.

Во время обсуждения с Николаем всех «деревенских» проблем Вадик был сражен наповал одним документом, который царь предложил ему «почитать на сон грядущий». Это была родившаяся в недрах МВД Записка, содержащая предложения по реформе законодательства о крестьянах. В бумаге, вышедшей из-под пера сотрудника ведомства «наиконсервативнейшего из русских консерваторов» – Плеве, были черным по белому прописаны главные постулаты столыпинской реформы, авторство которой потом умные книжки из «мира Вадика» приписывали «прозорливости финансового гения Витте».

Как выяснилось, фактическим инициатором и главным автором его был Владимир Иосифович Гурко, занимавший в МВД должность управляющего земским отделом. Пару раз перечитав Записку, на словах декларирующую сохранение крестьянской общины, а на деле подготавливающую ее неизбежный, но постепенный развал и сход со сцены, Вадим решил лично познакомиться со столь незаурядным человеком.

После их трехчасовой беседы во время прогулки по набережным Невы и Мойки для Банщикова стало ясно, что судьба вовремя посылала России человека, способного отвести от нее страшную беду – грозящее взрывом, накапливающееся недовольство в среде восьмидесяти процентов населения. А до кучи попутно решить и одну из важнейших задач экономики – интенсификацию сельского хозяйства.

Увы, в нашем мире его талант и выдающиеся способности остались практически невостребованными. Сначала смерть покровительствовавшего ему Плеве, а затем мелочная ревность Столыпина, банально опасавшегося подсиживания со стороны молодого и напористого заместителя, погубили не только его карьеру. Ведь останься он во власти, возможно, пробуксовки с земельной реформой и ее постепенного сворачивания, удалось бы избежать.

Историческая справка

Владимир Иосифович Гурко родился 30 ноября 1862 года. Его отец, фельдмаршал И. В. Гурко, был одним из творцов победы в войне с Турцией 1877–1878 годов, а его брат, Василий Иосифович, сделал блестящую военную карьеру, став в годы Первой мировой войны командующим Западным фронтом и начальником Генштаба.

В. И. Гурко не пошел традиционной для семьи военной стезей и, окончив Московский университет

в 1885 году, избрал гражданскую службу. Начав с должности комиссара по крестьянским делам двух уездов Варшавской губернии, энергично принявшись за дело, молодой, честолюбивый и образованный чиновник усердно вникал в аграрные вопросы и сделался в них признанным экспертом. Вскоре он – член губернского присутствия по крестьянским делам, затем исполняет должность варшавского вице-губернатора.

С 1895 года Гурко переезжает в Петербург и поступает на службу в Государственную канцелярию – учреждение, занимавшееся подготовкой законопроектов для Госсовета. В 1898-м он уже помощник статс-секретаря департамента экономии. А в 1902-м глава МВД Плеве предложил ему пост начальника земского отдела, ведавшего общественным управлением и поземельным устройством всех разрядов крестьян.

Гурко правильнее всего охарактеризовать как «государственника». С его точки зрения, сословные и классовые интересы должно подчинить общей задаче – обеспечению мощи и процветания России в целом, а основой могущества страны может быть только высокопроизводительное хозяйство. Между тем Россия проигрывала в этом. Источник ее слабости он видел в низкой культуре земледелия. Мысль, центральная для понимания его идей: «ни крупные латифундии, владельцы которых не заинтересованы в интенсификации хозяйства, ни крестьянский двор в рамках общины не могут быть основой будущего

процветания России».

Гурко видится тип капиталистического хозяйства, который теперь назвали бы крупным фермерством. «Лишь владельцы имений средней величины, с доходностью, удовлетворяющей современным потребностям интеллигентной семьи в деревенской обстановке, могут и имеют все к тому побуждения повысить технику сельского хозяйства, и вообще, культурный уровень жизни. Интересы и государства, и деревни говорят за содействие образованию владений средней величины из крупных поместий, и за прекращение дальнейшего дробления владельческих земель на мелкие участки с переходом их в крестьянские руки». Вторым путем формирования хозяйств такого рода ему видится выделение из общины крепких крестьян, и он прилагает усилия для разработки программ ликвидации общины и создания крестьянского землевладения на правах частной собственности. Избыточное сельское население должно найти себя в городской промышленности.

Знакомство с земледелием у Гурко не кабинетное, в родовом имении он вел обширное интенсивное хозяйство. В основе программы, выросшей из этого опыта, мысль о том, что простая передача крестьянству помещичьих земель не увеличит благосостояния крестьян, но разрушит последние очаги эффективного производства на селе. Политика государства должна облегчать выход из общины и формирование класса средних земельных собственников при недопущении

всех видов «социализации», «национализации» и «принудительного отчуждения». На принципиальном значении частной собственности он настаивает: «Все государства признавали землю предметом частной собственности. И именно на этой основе развилась та сельскохозяйственная культура, которая обеспечила государствам Западной Европы их общее развитие, их экономическое процветание».

Получив в 1902 году с назначением на должность управляющего земским отделом МВД широкий простор для действий, Гурко повел дело к созданию на месте крестьянской общины крепких крестьянских хозяйств на основе личной собственности. В июне 1902 года при МВД была образована редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах, материалы для нее готовили сотрудники земского отдела во главе с Гурко. Первыми шагами к ликвидации общины он полагал уничтожение круговой поруки и отмену выкупных платежей. В этом смысле им был составлен аграрный раздел Манифеста 26 февраля 1903 года, предусматривавшего облегчение выхода крестьян из общины. Более чем кто-либо другой он подготовил переход к тому, что называли «Столыпинской аграрной реформой». В. Н. Коковцов считал, что Столыпин пришел к этой идее уже в Петербурге, подпав под влияние «такого страстного человека, каким был В. И. Гурко, давно остановившегося на необходимости бороться с общинным землепользованием».

Отстранение Гурко от дел Столыпиным в 1907

году было следствием не только «ревности» Петра Аркадьевича к молодому и напористому подчиненному. Оно стало свидетельством чужеродности Гурко в бюрократической среде. Де факто, его неполным соответствием правилам неписаного бюрократического устава, запрещавшего, в частности, брать на себя риск и хотя бы на йоту большую ответственность, чем следовало по должности, полностью пренебрегая всеми остальными соображениями и пользами.

В. И. Гурко умер в эмиграции, в Париже 18 февраля 1927 года. Государственный деятель, которого по энергии и интеллектуальному потенциалу современники ставили вровень с М. М. Сперанским и Д. А. Милютиным, ушел из жизни, оказавшись практически невостребованным Россией начала XX века.

* * *

Итак, первый шаг на пути реализации громадьа планов был определен: начинать нужно было с перевода земства с уже накатанной дорожки хронической оппозиционности правительству на тесное с ним сотрудничество.

Позволить теплой компании земцев-конституционалистов, этих либеральствующих помещиков из кружка князей Долгоруковых, и демократическо-интеллигентской тусовке господ Струве и Вернадского со товарищи, гордо, с претен-

зией, именующей себя «Союзом освобождения», слиться в протестном экстазе друг с другом, додуматься до «банкетных кампаний» и, обратив этим на себя внимание крупного капитала, стать на его прикорме главной подрывной силой в Империи, царь не хотел. Так что партии конституционных демократов – кадетов – родиться в том виде, о котором Петрович и трое его товарищей по несчастью читали в нашей истории, было не суждено.

Однако Николай не пожелал и простого решения, типа «повязать, подкинуть в карман гашиш, эсеровскую прокламацию или ворованный кошелек (нужное подчеркнуть) и загнать за Можай», хотя Дурново поначалу рекомендовал оперативно устранить возникшую проблему именно в таком ключе. Самодержец не имел намерения рубить с плеча и разбрасываться патриотичными и думающими головами.

А то, что сейчас мозги в них думали совсем не в том направлении, можно было попробовать исправить, заняв эти головы серьезной и важной работой. Да еще и с ярким патриотическим подтекстом. Для такой работы реформирование местных органов власти с наделением земств новыми полномочиями и ответственностью становилось просто бескрайним, непаханным полем. С теми же, кто намеревается упорствовать и продолжить раскачивать лодку, позже можно будет поговорить и по-другому.

Но при этом было ясно, что добиться от земцев искреннего желания сотрудничать с правительством в проведении зе-

мельной реформы при руководстве всем процессом из МВД было проблематично. Для большинства склонных к либерализму земских деятелей Плеве представлялся пугалом, «душителем всего прогрессивного» и «без пяти минут» диктатором, этаким «деятельным Победоносцевым». Такому его образу способствовала и «передовая» пресса, подогреваемая Витте, его главным конкурентом не столько в борьбе консервативных и либеральных воззрений, сколько в схватке честолюбий за влияние на государя. Увы, работать с издателями и журналистами Плеве не умел и не желал.

* * *

Все точки над «і» были поставлены 17 мая, когда император принял в Зимнем возвращенного им из ссылки князя Леонида Дмитриевича Вяземского. Вместе с ним были приглашены министр внутренних дел Плеве, министр земледелия и госимуществ Алексей Сергеевич Ермолов, князя Павел Дмитриевич Долгоруков, Александр Григорьевич Щербатов, Алексей Дмитриевич Оболенский и граф Петр Александрович Гейден.

Кроме министров и титулованных особ на этом совещании присутствовали Петр Аркадьевич Столыпин, видные земцы Дмитрий Николаевич Шипов, Федор Измайлович Родичев, Михаил Александрович Стахович и Павел Иванович Новгородцев, ученые Дмитрий Иванович Менделеев и Вла-

димир Владимирович Вернадский, издатели Суворин, Сытин и публицист Шарапов. Также были приглашены недавно попросивший отставки с должности начальника корпуса жандармов Виктор Вильгельмович фон Валь и вышеупомянутый чиновник аппарата МВД Владимир Иосифович Гурко.

В краткой преамбуле император будничным, спокойным тоном завил собравшимся, что его слова о модернизации политической системы страны после окончания войны, сказанные в Кронштадте рабочим Морзавода, были не репликой на злобу дня, а вполне твердым решением, чтобы об этом ни судачили на раутах и в салонах. После заключения мира будет введено законосовещательное всесословное народное представительство при вполне разумном избирательном цензе, а затем будет дарована народу Конституция, что гарантирует всеобщее равенство перед законом...

Немая сцена. «Ревизор» Гоголя отдыхает.

...Но! Ни о каком «ответственном министерстве» никому инсинуаций строить не следует, тем более прессе. Время для таких решений пока не пришло, для начала нужно победить трех главных народных врагов – голод, безграмотность и бескультурие. Бытовое и нравственное. К «прискорбным проявлениям» последнего царь отнес и «потуги вполне патриотичных, интеллигентных и образованных людей раскачивать государственный корабль, прокладывающий свой путь в штормовом военном море».

Но не успели еще господа-земцы оценить камушек, прилетевший в их огород, как Николай подсластил пилюлю, обратившись непосредственно к Долгорукову со словами благодарности за «зимнее решение известной группы уважаемых земцев, постановивших на время войны воздержаться от политических демаршей». Выслушав ответные восторги и охи-ахи: а земским либералам действительно было чему радоваться, ведь обещанные Конституцию и Парламент, пускай сперва и не законотворческий, они, естественно, считали своей победой, и выдержав мрачные взгляды Плеве и Валя, Николай приступил к главному:

– Не стоит удивляться, господа. Война многое заставила переосмыслить. В том числе и избавиться от некоторых «бессмысленных мечтаний»¹²... – сделав небольшую паузу,

¹² После смерти Александра III в земских кругах некоторое время носились слухи о либеральности нового государя. В первые два месяца царствования почти все земские собрания посылали Николаю адреса, в которых говорилось о необходимости реформ, выражались пожелания о привлечении земских деятелей к участию в государственном управлении. Эти выступления возбудили сильную тревогу в правительственных кругах и дворцовой камарилье. 17 января 1895 года 26-летний Николай II принял в Аничковом дворце депутацию дворянств, земств и городов. Как сообщает «Правительственный Вестник», приветствуя собравшихся и выйдя на середину зала, он произнес следующие слова: «Рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Я верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть же все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный роди-

царь убедился, что земцы юмор оценили. – И сегодня приходит время решений, которые еще вчера казались не столь срочными, не столь животрепещущими. Я собрал вас сегодня, для того, чтобы мы могли вместе приступить к разрешению безотлагательного на сегодняшний день вопроса. Самого важного для страны, пожалуй. Нет, речь у нас пойдет не о военных или финансовых делах. Не о промышленных проектах и даже не об общей внутренней стабильности, которой, как представляется ныне, трудно достичь без посильного участия наших земских органов в деле внутреннего управления государством. Речь пойдет о том, что поможет нам в возможно короткий срок ослабить гнет тех самых, уже упомянутых мною, трех главных народных врагов, давящих на плечи каждым восьми из десяти подданных Российской короны.

Мы должны обсудить назревшие изменения в крестьянском законодательстве, учтя дополнительные права и обязанности земского самоуправления, введение сословного его волостного звена. Поговорить о неизбежном, но не скоропалительном замещении крестьянской общины современными формами бытовых и хозяйственных отношений на селе. Рассмотреть проблему ликвидации волостного суда и перехода крестьян под общую юрисдикцию. Наметить пути ин-

тель». Речь Николай читал по записке, вложенной в шапку-кубанку, которую держал в руках. От волнения он вместо «несбыточными мечтаниями», как и было в тексте речи, подготовленном, скорее всего, не без участия К. П. Победоносцева, прочел «бессмысленными мечтаниями», чем жестоко оскорбил земцев.

тенсификации сельского труда, наконец.

Я тщательно ознакомился с Запиской по крестьянскому вопросу, подготовленной министерством уважаемого Вячеслава Константиновича. Полагаю, что все вы, господа, тоже ее внимательно прочли, как я просил. Считаю, что ключевые ее положения более чем логичны, своевременны, а главное – реально осуществимы. Значение этого документа для будущего Российской империи огромно, и я поздравляю Вячеслава Константиновича Плеве и Владимира Иосифовича Гурко кавалерами Ордена святого равноапостольного князя Владимира первой и третьей степеней соответственно.

Мною выбор сделан – земельная и крестьянская реформы будут вестись на основе этого документа. Вам, Владимир Иосифович, предстоит работать над их законодательной частью далее. Работу комиссии князя Оболенского считаю исчерпанной, как и два года назад созванного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. К сожалению, его председатель Сергей Юльевич Витте в настоящее время крайне занят вопросами получения иностранных займов для нужд ведения войны. Свои предложения по данной теме, как он мне сообщил, он сможет подготовить не ранее, чем через три месяца. У нас нет такого долгого времени. К окончанию года реформы должны быть начаты. И вестись по утвержденному мной плану. Завтрашним моим Указом отмена круговой поруки будет распространена на все края и губернии за Уралом, дабы крестьяне, решившие пере-

селиться на Дальний Восток, в Маньчжурию или киргиз-кай-сакские степи, понимали: архаичные общинные пережитки на новом месте их не встретят.

Прошу вас, уважаемый князь Александр Дмитриевич, все статистические данные и предложения, как центральной комиссии, так и губернских, уездных комитетов, передать в Особый Комитет по проведению реформы сельского хозяйства. Сформировать его и возглавить надлежит вам, уважаемый Петр Аркадьевич, включив в него для начала всех, кто сегодня собрался здесь. На него ляжет основная тяжесть работы по обеспечению согласованных усилий государственных и земских органов во время проведения реформ. И дабы нам сразу исключить возможные трения: я счел необходимым вывести весь нынешний земский отдел из штата МВД и перевести его в штат вашего министерства, Алексей Сергеевич. Владимир Иосифович Гурко при этом получит должность вашего товарища и право прямого личного доклада мне. Все-таки не министерство внутренних дел и не министерство финансов должны стоять во главе нашего движения на этом направлении, а именно министерство земледелия.

Полномочия земских начальников и мировых посредников в новых условиях нам предстоит пересмотреть. С земств снять всю не свойственную им нагрузку: этапирование, конвой и временное содержание под стражей арестантов. Для этого в штате МВД будет образовано отдельное Управление территориальной полиции, отвечающее также за общее обес-

печение порядка и спокойствия на земских территориях.

А вас, Виктор Вильгельмович, я прошу его организовать и возглавить. Это крайне ответственное поручение, я на вас очень надеюсь. Полагаю, что все прежние размолвки ваши с Вячеславом Константиновичем будут преданы забвению. Ваш сегодняшний труд в одной упряжке крайне важен. Как лично для меня, так и для всей страны.

* * *

Сделка, предложенная Николаем земцам, была честной. Рост их самостоятельности, снятие надуманных финансовых ограничений и серьезное участие в законотворчестве через квоты в будущей верхней палате парламента и свою фракцию в Думе шли в обмен на масштабную работу по ревизии социальных отношений на селе, в буквальном смысле по подъему сельского хозяйства. От сохи, телеги и амбара предстояло переходить к плугу, трактору и элеватору. От обособленных крестьянских общин к всеобщей волости. Впереди у них открывались перспективы на многие годы.

И после некоторого «брожения умов» земские лидеры этот жест и доверие царя оценили. Возможно также, что определенную роль тут сыграло и обещание государя выделить в их распоряжение серьезные суммы под неотложные меры по предотвращению возможных крестьянских бунтов в конце лета – начале осени...

По инициативе императора, Земский съезд собрался в Та-врическом дворце 11 июня. В его работе приняли участие 264 делегата от всех земских губерний России и специально приглашенные представители, атаманы казачьих войск. Из выступлений царя, министров финансов и земледелия, председателя Особого комитета по реформированию сельского хозяйства саратовского губернатора Столыпина стало ясно, что Россия встает на путь глубоких преобразований, в которых территориальное самоуправление будет играть значительную роль.

На земства ложилась огромная нагрузка по выполнению важнейших госпрограмм в области медицины и образования, создания современной транспортной инфраструктуры и интенсификации сельскохозяйственного производства, в том числе в деле создания сети МТС и элеваторов. В краткосрочной перспективе должна быть устранена чересполосица – главная беда для крестьянства. Должен быть упорядочен и проведен в кратчайшие сроки выкуп пустующих, неэффективно используемых помещичьих земель, а также ускорено судопроизводство по проблемным закладам.

В соответствии с предложенным Столыпинным планом земельной реформы от привычного, архаичного общинного землевладения наиболее активной части крестьянства предстоял постепенный переход к частно-фермерскому: хутора, отруба. С перспективой его дальнейшего укрупнения по мере развития земельного рынка. Создание условий для этого,

начиная с общественной и правовой поддержки и заканчивая подготовкой нужных для этого специалистов, в частности землемеров, счетоводов-бухгалтеров и агрономов, – становилось первейшей задачей земских органов.

Государство планировало оказывать хуторянам активную помощь. Но это не была спешная, приказная ломка общины, несмотря на ее очевидную деструктивную роль. После отмены круговой поруки и определенного ею фискального смысла, община представляла собой ничем не оправданный нагнетатель социальной напряженности. Выделение надела «на едока» провоцировало рождение массы детей, переделы усугубляли чересполосицу, а растущий земельный дефицит и недовольство молодежи диктатом стариков плодило малоимущий городской люмпен, падкий на анархистскую агитацию.

Чересполосица, в свою очередь, исключала внедрение любых форм коллективного землепользования и достижений агрокультуры, тормозя интенсификацию сельского труда и этим увеличивая опасность голода и бунтов.

По мнению оппонировавшего «господам толстовцам» князя Вяземского, «община – не религиозный догмат, и крестьяне должны иметь возможность выбора, не отягощенного ни давлением сверху, ни гирей древних традиций на ногах снизу». Они должны иметь возможность сравнить эффективность индивидуального фермерства на хуторах и отрубках, коллективного землепользования и хозяйствования в

рамках их общины, с учетом опыта многопольного севооборота крупных российских и зарубежных хозяйств. Задача земства тут в том, чтобы дать им вполне богатую пищу для такого сравнения.

В налаживании фермерского хозяйствования, коллективной кооперации крестьянам будет предоставлена господдержка. А первыми шагами станут полное списание выкупных платежей и отмена законодательных ограничений на выход крестьян из общины. Вопреки патриархальному укладу даже для «молодых» семей. Также хуторяне получают гарантии госзащиты от «завистливых действий». И это будет сделано сразу же по окончании войны с Японией.

Самой важной задачей текущего момента для земств признано предотвращение волнений крестьян в случае недорода зерна уже этим летом. Для чего при Поземельном и Крестьянском Банках организуются особые хлебные фонды в 5 и 10 миллионов рублей соответственно для беспроцентных целевых хлебных ссуд на пять лет, для распределения зерна среди малоимущих крестьян. Организация выдачи и справедливого распределения его возлагается в первую очередь на земства.

На неизбежный вопрос делегатов относительно реформ госустройства император ответил, что, как он не раз заявлял ранее, вопросы введения Конституции и институтов парламентаризма встанут в повестку дня после победы над Японией, и сейчас публично говорить на эту тему он не намерен.

К чести собравшихся, большинство из них сделали верный вывод из ударения, сделанного Николаем на слове «публично».

Земцам было предложено срочно подготовить предложения для готовящейся новой редакции закона «О земском самоуправлении». В соответствии с ним будет выработано новое положение о выборах в земские органы и введен новый цензовый регламент. Как для выборщиков, так и для избираемых.

Земское самоуправление будет введено на всей территории страны, включая казачьи края, области и земли, за исключением ряда юго-азиатских областей, Привисленского края и Финляндии. Председателем Всероссийского Земского совета, согласно пожеланию государя, был избран князь Вяземский. Дмитрий Николаевич Шипов стал секретарем исполкома ВЗС, а его товарищем – граф Петр Александрович Гейден.

* * *

Сказать, что столичное, да и не только, общество было изрядно возбуждено итогами Земского съезда, значит ничего не сказать. При этом главными критиками его решений были в первую очередь крайне правые и крайне левые. Но ничего поделать с тем, что маховик реформы российского села был запущен, они не могли. Первые лишь дали Плеве

возможность пополнить свою коллекцию «жемчужин перлюстрации», а вторые – повод к закрытию нескольких, особо критиканствующих газет. Типа «Вестника знания» Битнера, «Руси» с ее «Сельскохозяйственным листком», «Нашей жизни» и «Сына отечества». Едва избежали этого и «Биржевые ведомости» Проппера, вынужденного сменить главреда.

Склока же в самом благородном семействе России была страшная. Матушка и дядя сперва вызвали Николая «на ковер» в Аничков дворец. Однако он, сославшись на нездоровье, туда не поехал. Отправляться всем вместе к нему без приглашения было не положено. Да и не комильфо. Поэтому Мария Федоровна первым послала для выяснения отношений с венценосным «блудным сыном» наиболее близкого к нему из дядюшек – великого князя Сергея Александровича, примчавшегося по такому случаю из Первопрестольной.

Наговорившись вдрызг, дядя Сергей покинул кабинет племянника строевым шагом, громыхнул дверью и, даже не появившись в Аничковом дворце, отбыл в Москву. После чего с Николаем не общался три месяца. Следующими получили окорот Сандро и Николаша. Первый – вежливо и корректно, без шума, крика и прочего гама. А второй – громко и суетно, с тремя уходами-приходами, с угрозой немедленно застрелиться и тому подобной визгливой ерундой. На следующее утро страшно не выспавшийся и потому злой, Николай прибыл на званый завтрак, или, правильнее сказать «на стрелку», во дворец Владимира Александровича. Там, кро-

ме хозяйина с супругой, его ждала засада в лице вдовствующей императрицы и великого князя Михаила Николаевича.

Подробностей этой «августейшей корриды» Вадик так и не узнал. Николаю говорить об этом было неприятно, а самого его царь предусмотрительно попросил несколько дней не высовываться из химлаборатории. Лишь Ольга Александровна потом обмолвилась, что брат сказал ей о том разговоре: «Многое висело на волоске, и если бы не неожиданные слова Михаила Николаевича про то, что "мир меняется, и, возможно, не все новое дурно, только не всем сие видимо", я мог бы дать слабину». Мать и Владимир Александрович с тетушкой Михень едва не уломали его на «задний ход».

Почему патриарх семьи Романовых поддержал этот «реформаторский зуд» Николая, никто так и не узнал. Эту тайну он через четыре года унес с собой в склеп. Возможно, дело было в том, что он с пониманием относился ко многому, что в свое время делал, но не успел довести до ума Александр II? Кто знает...

* * *

Первым к микрофонам, установленным на перилах трибуны возле Адмиральской пристани Владивостокского порта, подошел командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант Оскар Казимирович Гриппенберг.

Несколько секунд бравый фельдмаршал, нахмутив густые

брови и всем своим видом давая собравшимся прочувствовать вкус момента, пристально всматривался в лица офицеров, стоящих перед ним. И вдруг, слегка искаженный несовершенством усилителя, громовыми раскатами загудел на всю набережную через четыре громкоговорителя его зычный голос: «С Победой вас, русские воины! Войне – конец! Ура!..»

Ответное «Ур-ра-а-а!!!», исторгнутое снизу тысячами глоток, мгновенно подавило мощь всей лейковской электроники, которая, кстати говоря, до этого путешествовала к Токио и обратно на борту рудневского флагмана, на случай если бы пришлось заниматься массовой информацией и пропагандой при вступлении в японскую столицу. Но там, слава богу, обошлось. Не пригодилась...

Не любитель цветистых фраз, Оскар Казимирович, говорил четко и размеренно. Как команды рубя короткие фразы. Вначале он поблагодарил моряков за боевую работу, без которой успехи армии, как под Артуром, так и под Токио, просто были немислимы. Затем воздал хвалу офицерам и солдатам Щербачева. И это понятно: сам гвардейский офицер и генерал «со стажем», он пристально следил за боевыми успехами гвардейцев. После чего озвучил решение царя: из воинов, особо отличившихся в боях на Квантуне, в Маньчжурии и Японии, будет сформирован ряд новых гвардейских частей. Причем списки кандидатов в гвардию, с дозволения императора, Гриппенберг собирался рассматривать лично.

Коснувшись проблемы предстоящей демобилизации, он подробно остановился на предполагаемых сроках отдачи приказов и общем порядке отправки отслуживших свое воинов в Россию. И при этом сделал акцент на запущенной в западных и центральных губерниях переселенческой программе и разнообразных льготах, которые по решению государя получают демобилизованные из армии и с флота военнослужащие, изъявившие желание остаться жить на Дальнем Востоке и в Маньчжурии.

Ведь по-любому лучше, если на новых землях Империи, а в том, что Китаю они уже не вернутся, никто не сомневался, право первенства при выборе мест для проживания и земледелия получают те, кто за них сражался. Те, кто уже знает этот край «в лицо», а не по лубочным картинкам и рекламным листкам.

Особенно важно это для крепких, молодых крестьянских мужиков, уже увидевших могучую плодородную силу этих земель и знающих, что дома, за Уралом, их и их семьи ждут чересполосица, диктат и самодурство общинных стариков, перспективы голодовки в случае недорода-неурожая и кулак-ростовщик. Да, и когда еще в центральной России или Малороссии реформу доведут до ума? Зато здесь, с опорой на уже обновленное уложение законов о крестьянстве, жить по ним можно начать хоть завтра. А еще царевы подарки...

Поселенцам-ветеранам были даны невиданные в истории России льготы. Манифест царя «К доблестным Героям на-

шим, воинам русской армии и флота» от 26 февраля гарантировал первоочередное наделение бесплатной хуторской землей демобилизуемых бойцов Маньчжурской армии, ТОФа и казаков – участников боевых действий, решивших остаться здесь жить и вести личное крестьянское хозяйство. Лица крестьянского сословия из их числа, а также все члены их семей, получали гарантию беспрепятственного выхода из «домашней» общины. И право на немедленную и полную денежную компенсацию за наделенную землю и недвижимое имущество, оставляемые общине.

Раздача и разверстка земель для ветеранов будет начата не позже трех месяцев после выхода приказов о демобилизации. Размер бесплатного надела определен в 16 хуторских десятин и 4 десятины леса. Причем как самому демобилизуемому, так и членам его семьи мужеского пола – при условии переезда на Дальний Восток для постоянного проживания. Оплата проезда членов семьи поездом или пароходом – полностью за царев кошт!

Плюс к каждой такой двадцатидесятинной доле полагается бесплатно: верховая лошадь, винтовка-драгунка, 100 патронов к ней, тесак и новый комплект обмундирования. В него входят: шапка-ушанка, ватник, стеганые брюки, рукавицы, валенки с калошами, сапоги, отрезы сукна, ситца и фланели, летние брюки, по три гимнастерки и комплекта исподнего, ремень, фляга, топор и лопатка. Государство брало на себя половину расходов по перевозу с семьей демобилизан-

та, будущего хуторянина, ее скарба, одной-двух голов крупного рогатого скота и до шести голов мелкой живности и птицы, не считая кошек и собак. Предоставляло скотине дорожный кормовой фураж.

Правительство выступало гарантом по выдаваемой демобилизуемому долгосрочной низкопроцентной ссуде в Крестьянском банке, для строительства дома и надворных построек, приобретения сельхозинвентаря и семенного материала на первый посевной год. А также беспроцентных «подъемных» в Русско-Китайском банке на семь лет в сумме 100 рублей для поселенца-единоличника и 350 для ветерана, перевезшего в Маньчжурию свою семью. Особое внимание проявил государь к тем, кто сражался храбро и доблестно: Георгиевским кавалерам подъемные увеличивались на 25 %, а заслужившим два ЗОВО и более – вдвое!

Вот так...

Подобной щедрости верховного вождя не помнит, пожалуй, не одна лишь российская история, но и общемировая...

В частях и подразделениях всюду шло брожение. Мужики-сослуживцы, решившие для себя немедленно воспользоваться нежданной царевой милостью, сбивались в ватаги, «переселенческие артели». Ведь миром оно и дома сподручнее ставить, и стражу вести, а если почитать присланные специально из столицы умные книжки, то получается, что и поля обрабатывать. И жить рядом с соседом-товарищем, с которым ты делил и армейскую кашу, и японскую пулю или

осколок, которого ты знаешь, в которого веришь – «этот не выдаст», разве неправильно? Налицо было зарождение новой формы сельской общины, связанной не общей собственностью, а общим интересом. Житейским и экономическим.

Весь этот процесс поручалось организовать и координировать генерал-лейтенанту Флугу с его оперативным штабом. Исполнение воли царя по заселению дальневосточных рубежей России достойным, надежным русским человеком: вот главный итог победы в войне. И Гриппенберг призвал армейских и флотских офицеров немедленно включиться в работу по разъяснению готовящемуся к демобилизации рядовому и унтер-офицерскому составу положений царского Указа, выпущенного по данному поводу.

После чего, еще раз поздравив всех с победой, командующий армией уступил место у микрофонов комфлоту.

* * *

Степан Осипович выглядел неважно после ранения. И, похоже, чувствовал себя тоже не ахти, поэтому на всякий случай его слегка страховали штабные флаг-офицеры Дукельский и Щеглов, вставшие рядом и чуть позади него. Отдышавшись после подъема на трибуну, Макаров окинул взглядом притихшее людское море внизу. И негромко, но вполне отчетливо, произнес:

– Спасибо... Спасибо, мои дорогие... Дело, вами сделан-

ное – славно! Царствие Небесное и память вечная всем братьям нашим – русским воинам, во брани почившим. Слава и почет живым! А деяния ваши ратные и доблесть – потомкам в пример!

Может, скажет кто, что, мол, не велика честь и слава для нас, азиатов побить? Пусть он этими словами и подавится! Или уже не помнит матушка-Россия иго монгольское? Да крымчаков набегу? Азиат в бою стоек и неистов. В достижении цели упорен, находчив и хитер. Так что противостоял нам противник вполне достойный. Нам ли об этом не знать, и этого не помнить? А то, что за спинами у японцев прятались и всячески помогали им англичане и американцы – про то отдельный сказ. В мире любителей жарок чужими руками загрести хватает. Вы с холодной головой и без лишнего азарта на то смотрите. Но сам факт бесспорен, и победу вашу только лишь возвеличивает...

Много добрых слов хочу сказать всем вам. Морякам, гвардейцам, армейским героям нашим, славным казакам. Но, простите, дорогие мои, не сегодня, – эскулапы столичные пять минут только дали. Вон, ручками машут, боятся, что простужусь. Я пока их пленник, – рассмеялся Макаров, – И их иго медицинское стоически терпеть обязан. Но дайте только срок, мои дорогие: вот силенок поднаберусь, и мы с вами флот наш российский поставим так, что англичане и американцы все от досады усохнут! Прочие же – завидовать будут. Да и про армию не забудем, не сомневайтесь. И впредь

учтите – мы, моряки и армейцы, одному царю, одному народу служим. И Бог над нами один. Так что и в мирное время гоните прочь все ведомственные усобицы, в единстве – сила наша!

А сейчас самое важное, то, что на сегодня осталось, Всеволод Федорович и Михаил Александрович скажут. Спасибо! С Победой, чудо-богатыри! Ура!

Пока Степан Осипович при помощи флаг-офицеров спулся с трибуны и неспешно шел к карете, раскатистое, гулкое «Ура!», подобно волнам бурного прибоя, катилось над набережной и рейдом. Флот боготворил своего командующего.

* * *

И все-таки первым, кого собравшиеся не только провожали громовым «Ура», но им же встречали, был Руднев. Выйдя к микрофонам, он, казалось, поначалу никак не мог собраться с мыслями или просто сознательно наслаждался мгновениями своего триумфа. Молча, с достоинством, переживая устроенную ему овацию.

Но на самом деле в душе Петровича в тот момент бушевала настоящая буря: сколько всего нужно было пройти, испытать и претерпеть ради вот этого, одного момента! Ради заслуженного им права обращаться к элите наших флота и армии. Причем обращаться, зная, что каждое твое слово бу-

дут буквально ловить. Что все, что ты скажешь, – поймут. И поймут правильно...

Он пристально всматривался в лица людей внизу, перед собой. В лица знакомые и неизвестные, а в голове билась сумасшедшая мысль: «Господи! А ведь если бы не мы... Если бы не Вадим с его шибко ученым папашкой и их олигархом с погонялом Анатом, благодаря чьей фантастической жадности весь этот не менее фантастический попадос и произошел, то каждый третий из стоящих перед ним офицеров был обречен не пережить этой войны!

Кто-то из них должен был погибнуть вместе с Макаровым и Верещагиным на «Петропавловске». Кого-то нашли бы осколок, пуля или штык во время четырех штурмов Артура. Кому-то предстояло взойти на Цусимскую Голгофу. Кого-то ждали безвестные могилы на склонах маньчжурских сопок. Чьи-то кости грызли бы одичалые псы в гаоляне вдоль мандаринской дороги...

Но здесь и сейчас этого уже не будет! Здесь и сейчас карты судьбы легли совсем по-другому. История России идет по иному, неизведанному, пути. Каким он будет для нее – во многом теперь зависит и от них. От них, от всех. Ныне – живущих...

Петрович говорил долго. Первые фразы давались ему с трудом. После Гриппенберга и Макарова, сумевших завести аудиторию почти до точки кипения, спускать людей на грешную землю для работы над ошибками и уяснения будущих

трудовых планов было тяжело. Тяжко, грешно, но надо...

Однако вскоре он с облегчением понял, что общество внимлет ему с вниманием ничуть не меньшим, чем до этого обоим командующим, а возможно, даже с большим: слишком животрепещущих он тем касался.

Почувствовав общий настрой и случайно поймав на себе восторженный взгляд каперанга Рейна, Петрович продолжил свою речь, хоть и обращаясь ко всем собравшимся, но конкретно – как будто только к нему. Напряжение куда-то ушло, и мысль полилась свободно и широко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.